По мере ухудшения экономического положения Англии возрастает ее задолженность иностранным банкам.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ВАЛЮТНЫЙ
ФОНД

ДЖОН БУЛЬ:— Шкуры в залог принимаете?

Рисунок А. КРЫЛОВА.

СССР

КРОКОДИЛ

БЫСТРОТА И НАТИСК.

Рисунок М. БИТНОГО.

1
1977

Тов. Читателю. В служебном порядке.

Хотя эту колонку Крокодил отвел постоянно для меня, сегодня я хочу предоставить ее тебе. Как, по-твоему, чем в первую голову заняться нашему брату, фельетонистам журнала, в 1977 году? На кого и на что прежде всего вострить перо?

Фельетонист

ПОСПЕВАЙ!

Если я тебя, уважаемый Фельетонист, понял правильно, ты намерен получить от меня на нынешний год какие-то чрезвычайные поручения и спецзадания.

Сказать откровенно, твой вопрос не застал меня врасплох и не поставил в тупик. Потому что год 1977-й — второй год десятой пятилетки. И, стало быть, задачи этого года определены пятилетним планом, решениями XXV съезда нашей партии, октябрьским Пленумом ЦК КПСС. То есть генеральной программой Большой Работы не только для всей страны, но и для каждого из нас. И, значит, для тебя тоже.

Впрочем, тут, как говорится, не мне тебя учить. В рубрике «На съездовской волне» ты же сам нацеливаешься на темы, прямо связанные с реализацией пятилетнего плана в крупных, можно сказать, узловых отраслях народного хозяйства. И, по-моему, дело это правильное: ведь в конечном счете именно с решающих участков главного экономического фронта берут разбег и показатели народного благосостояния. И если ты, крокодильский Фельетонист, подхлестнешь своим пером решение какой-то масштабной общехозяйственной проблемы, считай, что тем самым сработал и в мою, то есть каждого твоего читателя, личную пользу.

Думаю, успешному выполнению пятилетнего плана все больше должно помогать соревнование. А вот этого-то пока еще кое-кто недооценивает. Отсюда рецидивы сонного формализма и скучной казенщины в этой по природе своей живой, горячей, веселой работе. Значит, найдется тебе, Фельетонист, дело и в другой журнальной рубрике — «Соревнование, крокодильская проверка».

«Даешь эффективность и качество!» — этому девизу пятилетки будет служить, на мой взгляд, и раздел «Уголок бесхозяйственника». И опять же именно ты, Фельетонист, должен позаботиться о том, чтобы этот уголок был всегда гостеприимно открыт для бракоделов и расточителей, головотяпов и разгильдяев.

Ну и, конечно, доведется тебе в нынешнем году — точно так же, как в годы предыдущие — брать на прицел стяжателей и бюрократов, обывателей и хапуг, пьянчуг, захребетников, прохиндеев — короче, тех нетипичных типов, по которым по-прежнему плачут рубрики «Вилы в бок!», «Мурло мещанина», «Под углом 40°», «Из зала — сюда!».

Тебе, Фельетонист, не след равнодушно проходить мимо халтуры и зауми, ремесленнических борзописаний и чванливого снобизма. Тем паче, что для «мастеров» этакого рода, как я заметил, давно уже арендовано место в традиционном разделе «Таланты и поклонники».

Но, занимаясь вплотную всеми этими текущими делами, ты, Фельетонист, не должен забывать, что год 1977-й — год особенный. Юбилейный. Стране Советов исполняется шестьдесят героических лет. И поэтому честь и место на страницах «Крокодила» доброй шутке, торжествующей улыбке, жизнерадостному настрою. И кто же, как не ты, расскажет мне, читателю, о трудовых победах, дерзновенных начинаниях, творческих взлетах нашего современника, о советском образе жизни в его многоцветье и многогранности? Как я понимаю, рубрика «Самое, самое...» и заведена для твоих юмористических очерков и репортажей.

Вот такой, уважаемый Фельетонист, рисуется мне в общем и целом твоя публицистическая стезя в наступившем году. И если ты это мое спецзадание принимаешь, то ни тебе, ни мне скучать, видимо, не придется.

Как писал поэт, «дела много — только поспевать». Вот и поспевай, товарищ Фельетонист, поспевай! А мне остается только пожелать тебе бодрости и успехов.

Твой читатель

САМОЕ, САМОЕ...

Б. ВОРОБЬЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила.

КАЛЕНДАРЬ С ПОПРАВКАМИ

СТРОЙКА БАМА — САМАЯ КРУПНАЯ В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

САМАЯ МОЛОДАЯ ПО ВОЗРАСТУ СТРОИТЕЛЕЙ

САМАЯ СЛОЖНАЯ ПО ГЕОЛОГИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

САМАЯ ОСНАЩЕННАЯ ТЕХНИКОЙ

«Большое значение имеет сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Кажется, еще совсем недавно первые строители нарушили вековечный покой глухих таежных мест. Теперь работа в разгаре».

Из материалов XXV съезда КПСС.

Оставив за собой не по-зимнему плаксивую московскую погоду и многие тысячи километров, самолет приземляется в аэропорту столицы БАМа — Тынде..

* * *

Схожу по трапу и сразу же попадаю в объятия Деда Мороза. Сорокаградусный, звенящий, со впаянными в бороду сосульками, он стискивает меня в своих ледяных объятиях. Отдышавшись в рукавицу, высовываю нос из-под воротника и устремляюсь к первому встреченному бамовцу с вопросом:

— А скажите, как вы готовитесь к Новому году?

— Смотря к какому,— лукаво отвечает бамовец.— Один новогодний рубеж у нас отпраздновали уже. Некоторые даже летом ухитрились...

— Вот так так! — недоумеваю.— У вас тут что, свой календарь? Не можете ли вы мне показать этих торопыг-нарушителей?

Бамовец любезно согласился и повел меня по улицам бывшего таежного поселка, а ныне города с сорокатысячным населением.

— Здесь они! — указал он на дом с вывеской «Бамстроймеханизация».

— Вы что, действительно уже поторопились встретить Новый год? — спросил я секретаря парткома треста Василия Васильевича Осадчего.

— Да, еще в октябре,— глядя на меня без всякого смущения, ответил Осадчий.— Так уж оно получилось...

Видя, что такой ответ удивил меня еще больше, секретарь парткома стал доказывать, что другого выхода у строителей не было. Перекроила календарь и перевела стрелки часов мощная современная техника. Но, конечно же, прежде всего в этом «виноваты» люди.

— Трестовские плановики и экономисты, подсчитывая перевыполнение норм, мозоли на пальцах натерли,— усмехнулся он.

Потом тов. Осадчий предложил проехаться по стройке вместе с начальником механизированной колонны № 147 Владимиром Григорьевичем Терещенко.

Долго возил меня В. Г. Терещенко и все без утайки показывал. А попутно знакомил с теми, кто задал работу плановикам и экономистам.

Вот некоторые из них.

Есть в тресте начальник мехколонны № 94 Александр Владимирович Карандин и машинист экскаватора той же мехколонны Леонид Родионович Васюк. Взяли они да и приспособили к местным условиям профиль ковша экскаватора «КАТО». Начали вроде бы в шутку, а результаты получились нешуточные. При нарезке нагорных канав и кюветов себестоимость переработки пятидесяти тысяч кубометров грунта снизилась на десять тысяч рублей. Ручной труд при этом вообще отпал. Если учесть, что тресту приходится «перелопачивать» многие миллионы кубометров грунта, можно представить себе, какая экономия выливается из этого «самодеятельного» ковша...

Или вот Коля Яркин. Машинист экскаватора, самый молодой в тресте бригадир самой молодой в тресте комсомольско-молодежной бригады. Сто восемьдесят процентов — такова ежедневная выработка его бригады. Не удивительно, что Новый год бригада Яркина встретила под жарким августовским солнцем.

А экскаваторщики Мефодий Иванович Хмарук и Анатолий Николаевич Старбунов перевалили рубеж годового задания еще раньше — в мае! Потому что для них норма — это две нормы в день при ювелирной отделке земляного полотна под укладку рельсов. Их здесь так и прозвали — «ювелиры».

В общем, о строителях треста «Бамстроймеханизация» у меня сложилось такое мнение.

Во-первых, тщеславные они очень. Это противоборство со временем, то есть с часами и календарями, они развернули не иначе как затем, чтобы привлечь внимание журналистов. И, я убедился, добились-таки своего — взгляните хотя бы на правый верхний рисунок.

Во-вторых, удивительно непоседливые: закончив работу на одном участке магистрали, они тотчас же переезжают на другой. Впрочем, для них это не ахти какая проблема: квартиры на колесах, которые вы видите на правом нижнем рисунке, всегда готовы к дальнему пути.

В-третьих, среди них имеются летуны, которых здесь вежливо именуют «десантниками». Их задача — готовить опорные пункты для трассы (рисунок слева вверху), точнее, для вторжения строителей на новые участки.

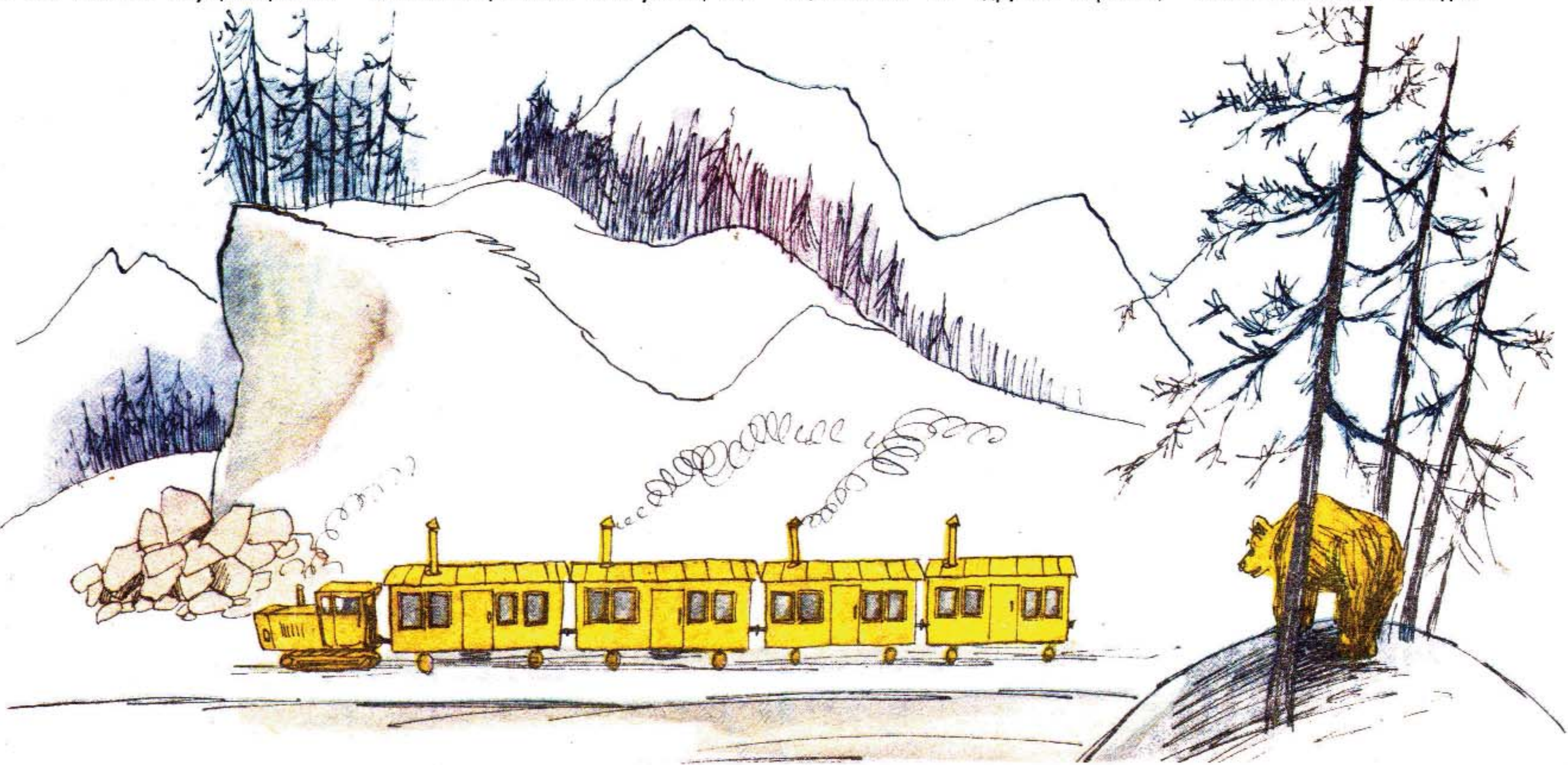
И, в-четвертых, больно уж они сурово растят своих детишек: на дворе лютует мороз, а ребятня гоняет шайбу в одежке без всяких утепляющих излишеств — и хоть бы хны. Хотя, как вы видите на левом нижнем рисунке, из этого правила бывают и исключения...

Оставалось выяснить последнее: боролись ли здесь с нарушителями календаря? Оказывается, боролись, и не на шутку. И продолжают бороться. Особо провинившихся даже наказывают. Например, ордерами на квартиры со всеми удобствами. Премиями. Грамотами. Переходящими Красными знаменами...

«Нарушителей» же, понятное дело, все эти «наказания» не исправляют...

* * *

Оставив за собой прокаленную морозом Тынду и многие тысячи километров, самолет приземляется в столичном аэропорту Домодедово. Стоит все еще не по-зимнему плаксивая московская погода...

Крокодила осенила идея — вновь повстречаться на журнальных страницах со своими старыми знакомыми. С теми самыми, которые не могут претендовать на особую приязнь читателей. Судя по откликам с мест, граждане, стяжавшие сомнительную славу фельетонных героев, будто бы восприняли критику правильно. Будто бы крокодильские подопечные усердно выгравировали на скрижалях своей памяти мудрую мысль небезызвестного Леонардо да Винчи: «ВСКРЫВАЮЩИЙ ВАШИ ОШИБКИ ГОРАЗДО ПОЛЕЗНЕЕ, ЧЕМ ТОТ, КТО ИХ СКРЫВАЕТ».

Вот как раз для того, чтобы проверить эти ошибки, Крокодил и решил провести встречи со старыми знакомыми.

Кроме непосредственно заинтересованных лиц и упомянутого только что Леонардо да Винчи, в них принимают участие: Э. Полянский, Шота Руставели, Дм. Иванов и Вл. Трифонов, Генрик Ибсен, А. Пивоваров, Марк Аврелий, Ю. Борин, Франсуа де Ларошфуко, Е. Цугулиева, Вильям Шекспир, А. Голуб.

Итак:

«Принятые меры» бывают самые разные: конкретные, определенные, соответствующие, необходимые и т. д. Подобные уклончивые определения нет-нет да и встретятся в письмах, которые редакция получает из организаций и ведомств в ответ на выступления журнала. В таких случаях гложет сомнение: ежели не сообщают, что именно сделано, то, может, и сообщать-то не о чем?

«...приняты конкретные меры по улучшению качества обслуживания проживающих в гостинице «Саяхат».

(Из официального ответа секретаря Уральского облсовпрофа тов. А. Родионовой на фельетон «Ай, класс!» — «Крокодил» № 5, 1976 год.)

Почему бы, к примеру, тов. А. Родионовой после процитированной выше фразы не поставить двоеточие и путем перечисления принятых мер не порадовать бы нас? Дескать, лифт в гостинице работает, мебель отремонтирована, в номерах есть вода и телефоны. То есть ответить на фельетон по-деловому и действительно конкретно.

Впрочем, отписаться легко и иным способом. Можно кое-что «не заметить» в материале, на который даешь ответ, кое о чем умолчать и в то же время создать видимость принятых мер.

В заметке «Вам посылка» (№ 24 за 1976 год) речь шла о хитрых мастерах индивидуального пошива обуви из Пятигорска, которые в посылки с черевичками подкладывали нагрузку — перчатки. Разумеется, без согласия заказчиков. Нагрузка была системой, и об этом весьма четко говорилось в заметке.

Директор Пятигорской городской фабрики ремонта и пошива обуви тов. П. Шипилов в своем письме галантно извиняется перед заказчицей Сосниной и просит ОШИБОЧНО вложенные в посылку перчатки вернуть на фабрику. Причем расходы по пересылке обязуется возместить.

Ничего не скажешь, джентльменский жест. Жаль только, что директор делает вид, будто случай нагрузки был единичным, а перчатки к черевичкам гражданки Сосниной приложены случайно, по недосмотру упаковщицы. Он как бы не понял заметку или не все углядел в ней. Мотивы такого должностного дефекта зрения понятны: за единичный случай отвечает упаковщица, за систему — дирекция.

В небольшом фельетоне «Замечательный сосед» («Крокодил» № 32, 1974 год) говорилось о слишком громком исполнении танцевальной музыки на танцверанде клуба «1 Мая» фабрики имени Рудой города Ивантеевки. Громкая музыка мешала жителям соседних домов, и следовало ожидать, что после опубликования фельетона городские власти попросят руководство фабрики и клуба переоборудовать, скажем, танцеверанду с целью уменьшения звука, подобрать для оркестра более тихий репертуар, ограничить время танцев. Но меры последовали хирургические. Грянул административный гром, и танцеверанду закрыли вовсе.

Сверхмеры, пожалуй, еще менее желательны, чем меры куцые. Они ущемили интересы молодежи — теперь в Ивантеевке всего одна, крайне переполненная танцверанда. По воскресным дням в нее набивается более тысячи человек.

Некоторые официальные лица, дай им волю, с большей охотой принимали бы меры не по фельетонам, а против них. Порой отвечают нам сухо, принужденно, как бы сквозь зубы. В таких ответах между строк угадывается: мы тут со всей серьезностью созидаем, хотя и не без ошибок, а вы поднимаете наше ведомство на смех, травмируя этим нашу психику и бросая тень на наши свершения...

И это вместо того, чтобы правильно реагировать на выступления журнала, отвечать заинтересованно, по-деловому, памятуя, что от критики в конечном счете выигрывает дело.

РАЗМЫШЛЕНИЕ К ИНФОРМАЦИИ

Обманывать нехорошо. Шота Руставели еще в XII веке выразился вполне определенно:

«ЛОЖЬ—ИСТОЧНИК ВСЕХ СТРАДАНИЙ, ЕСЛИ В СЕРДЦЕ УГНЕЗДИТСЯ».

Задолго до того, как мы собственными глазами смогли прочесть эти вещие строки великого грузина, каждого из нас словом и делом старались выпихнуть с кривой тропки вранья на светлый шлях честности. Нам отменяли поход в кино, лишали нас клубничного мусса на третье, а, может быть, даже в справедливом гневе охаживали отцовским ремнем по филейным местам.

Отчего же, обратившись с годами в цветущих мужчин и благоухающих женщин, далеко не все бросили детскую привычку, мягко говоря, вводить в заблуждение окружающих! Может, так мягче сидится в начальническом кресле! Но разве не к этаким кресловладельцам адресуясь, утверждал в свое время норвежец Генрик Ибсен: «ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ — САМАЯ ЛУЧШАЯ ПОДУШКА»!

Популяризации этого афоризма и посвящена

Я удобно усаживаюсь в машине и заранее предвкушаю удовольствие от экскурсии. Меня сопровождает не кто-нибудь, а сам заместитель председателя Новокузнецкого горисполкома тов. П. Н. Свистула. Мы едем по памятным уголкам города, заглядываем в места, которые я посетил четыре с лишним года назад и описал в фельетоне «По решению бульдозера» («Крокодил» № 29 за 1972 год). Помнится, стены исторической Кузнецкой крепости, отражавшие набеги кочевых племен, были наполовину разрушены.

И что же теперь? На территории неприступного сооружения мирно щипала травку буренушка со своим теленочком. Через гостеприимно распахнутые проемы в стенах они беспрепятственно проникли в крепость. От когда-то сверкавших позолотой куполов привратной церкви уцелел один лишь остов.

Может быть, думал я, Петр Николаевич держит главный козырь про запас? Может быть, даже на конец экскурсии приберег? Ведь в официальном ответе в «Крокодил» (см. № 36 за 1972 год) так и говорилось: «Приняты меры к восстановлению и сохранению зданий, представляющих историческую ценность». Реставрацию крепости новокузнечане внесли даже в социалистические обязательства на 1973 год. Так и записали: «Начать реконструкцию Кузнецкой крепости» (газета «Кузнецкий рабочий», 26 января 1973 года).

Не заметив размаха работ на крепости, мы поехали дальше. «Волга» скрипнула тормозами у того места, где когда-то стоял дом В. В. Куйбышева. Четыре года назад мне посчастливилось видеть фундамент от здания — это было все, что оставил на память о доме бескультурный бульдозер. Нынче и фундамента нет. Ровнехонько все кругом. Не за что глазу зацепиться.

Петр Николаевич бодрым, жизнеутверждающим голосом дает интервью. Точь-в-точь такое, как четыре года назад:

— Недалеко от этого места построим новенький домик Валериану Владимировичу. Сосной будет пахнуть. Хвоей. Озоном. И рабочего-революционера В. П. Обнорского, наверное, не обойдем стороной. Ему тоже срубим новенький домик. Уютненький. Вместо снесенного.

Но пока, как и прежде, на месте дома Обнорского красуется трансформаторная будка.

Едем к дому М. К. Курако. Вот и мемориальная доска: «В этом доме жил в 1918—1920 гг. великий русский доменщик М. К. Курако».

— Видите,— торжествует тов. Свистула,— дом целехонек. Бережем мы его.

Открыл я двери и отшатнулся в испуге. Вместо пола — глубокая яма, наподобие высохшего водоема. В яме — гора пиломатериалов, бревен и древесных отходов.

— Неужели,— спрашиваю тов. Свистулу,— Михаил Константинович спал на досках или возле верстака, свернувшись калачиком?

— Видите ли,— пояснил зампред,— дом арендует трест «Трансвзрывпром».

Да, спасибо трансвзрывпромовцам, что не испытывают в рабочем кабинете Курако новые виды взрывчатки!

Подъехали к Одигитриевской церкви, где венчался Достоевский. Из церкви свободно проглядывалось лазурное небо. В окна, не имеющие стекол, беспрепятственно заползали шлейфы пыли от пробегающих мимо грузовиков...

РАЗМЫШЛЕНИЕ К ИНФОРМАЦИИ

Римский философ-стоик Марк Аврелий, работавший по совместительству императором, любил говаривать своим современникам:

«ВРЕДИТ СЕБЕ ТОТ, КТО УПОРСТВУЕТ В СВОИХ ОШИБКАХ!»

Этим он как бы намекал, что похвальное человеческое качество — упорство полезнее направлять на искоренение ошибок, а не наоборот. Однако такая весьма доступная мысль как-то не уместилась в сознании некоторых фельетонных героев. Результатом чего и явилась

Встреча третья

Предусмотрительность не лишнее качество, жизнь убеждает нас в этом.

Отправляясь на рынок за картошкой, предусмотрительный человек берет с собой авоську. Желая купить жене ко дню рождения туфли-танкетки, предусмотрительный человек сперва выясняет, какой размер обуви она носит. Приступая к постройке дачи, предусмотрительный человек заглядывает в свой кошелек, а также в кошельки ближайших родственников.

А ведь речь шла не о картошке и даже не о даче. Речь шла о строительстве завода в городе Караганде. И не просто завода, а целого комбината. И не просто комбината, а комбината в своем роде уникального — строительных пластмасс.

Когда комбинат уже был торжественно принят госкомиссией, когда отзвучали все тосты и надо было, окунувшись в трудовые будни, начать выдавать продукцию, которую с нетерпением ждали, выяснилось, что сырья для этого комбината нет. Государственная приемочная комиссия приняла его недостроенным, в цехах не хватало оборудования, в результате чего предприятие седьмой год работает в одну десятую мощности.

Таково содержание фельетона «Бесбармак без последствий», опубликованного в 23-м номере «Крокодила» (1976 год). Предполагалось, что последствия наступят после выступления журнала.

Вместо последствий последовало молчание.

Молчало Министерство промышленности стройматериалов Казахской ССР, помалкивало Министерство промышленности стройматериалов СССР. Не проявляли желания отвечать на критику другие упомянутые в фельетоне организации и лица.

Хотя мы, конечно, ждали писем, но рады были бы услышать и живой телефонный голос: дескать, да, критика учтена, мы уже кое-что делаем, а кое-что собираемся делать. Или, к примеру: нет, дорогие товарищи, тут все не так просто, мы сами бьемся над этим вопросом, но решен он будет не так скоро, поскольку дело большое и трудное...

Но звонка не последовало тоже. Поэтому мы позвонили сами.

— Ответ на фельетон? Какой фельетон? — удивился работник Министерства промстройматериалов СССР М. А. Смеляков, который ведает входящими и исходящими.— «Бесбармак без последствий»? Ничего не знаю. Но я спрошу у министра и позвоню вам немедленно.

Немедленно Михаил Александрович не позвонил, и что думает о фельетоне министр, мы не узнали.

В фельетоне упоминался работник Госплана СССР Н. А. Казарцев. Мы позвонили ему.

— Фельетон? — переспросил Николай Алексеевич.— А о чем? О карагандинском комбинате? Но при чем тут мы? Наш отдел химии не обязан давать сырье каждому предприятию в отдельности. Позвоните Бирюкову из отдела стройматериалов.

Александр Алексеевич Бирюков тоже фельетона не читал, но так же, как и тов. Казарцев, разъяснил, что Госплан выделяет сырье в целом на министерство, поэтому конкретно о данном комбинате он ничего сказать не может.

Но что же все-таки изменилось после выступления «Крокодила»?

Звоним в Караганду.

— Если и изменилось,— говорит директор комбината И. Г. Мусалимов,— то в худшую сторону. Сперва нам обещали поставить оборудование для выпуска линолеума в 1978 году, а теперь перенесли на восьмидесятый.

— Ну, а как реагировали в республиканском и союзном министерствах? Вас о чем-нибудь спрашивали?

— Спрашивали,— после паузы отвечает Мусалимов.— Зачем давали интервью корреспонденту...

Ну, вот теперь ясно. Видимо, всю энергию, необходимую для того, чтобы принять меры и сообщить об этом «Крокодилу», некоторые ответственные товарищи израсходовали на взбучку директору комбината.

Так бесбармак и остался без последствий.

С незапамятных времен существует сомнительная тенденция приукрашивать истину. Но если мы можем снисходительно простить высокий каблук, сообщающий фигуре стройность, или грим, придающий лицу кукольную яркость, то истина—это та дама, которая должна представать перед нами в натуральном виде, без камуфляжа. Стыдиться тут нужно как раз желания прикрыть ее одеждами, сотканными из красивых фраз.

Французский писатель-моралист Франсуа де Ларошфуко бил, что называется, в самую точку своим афоризмом: «ЛЮБОЙ НАШ НЕДОСТАТОК БОЛЕЕ ПРОСТИТЕЛЕН, ЧЕМ УЛОВКИ, НА КОТОРЫЕ МЫ ИДЕМ, ЧТОБЫ ЕГО СКРЫТЬ».

Именно для тех, кто предал это забвению, будет небесполезна

— Кось-кось-кось! Иди сюда, чтоб тебя парша покрыла!

Именно в таких выражениях приманивал сивого мерина работник Ардонской конторы «Межрайзаготскот» Георгий Гучмазов, который предпочитал заготовлять скот не в своей Северной Осетии, а за ее пределами.

Напоминаем: о сивом мерине и заготовителе Гучмазове мы писали в фельетоне «Подсолнухи с того света» («Крокодил» № 10, 1976 год). Факты, которые приводились в нем, убедительно говорили о том, что выдача на руки заготовителям крупных денежных сумм сплошь и рядом вела к злоупотреблениям. Заготовители, покупая по дешевке украденные в колхозах и совхозах продукты и скот, в приемных квитанциях проставляли вымышленные фамилии «владельцев» и завышенные суммы, якобы уплаченные им.

Со времени опубликования фельетона прошло несколько месяцев. И вот до Крокодила дошла приятная весть: порядок изменен. По приказу Госбанка заготовители больше не получают наличных денег на руки.

Так что же — оплата по перечислению? Увы, не так. Деньги по-прежнему выдаются наличными, только не заготовителю, а шоферу, который уклончиво именуется теперь шофером-кассиром. И вот шофер-кассир Петр Агкаев получает из кассы совхоза 3500 рублей. Но он не кладет их в карман. Он сует эти деньги заготовителю Виктору Агкаеву:

— На, прибери их. С деньгами возиться ты специалист, а мое дело баранку крутить. Еще запутаюсь, ну их совсем.

И заготовитель Виктор Агкаев берет деньги у шофера Петра Агкаева, и оба вместе едут на заготовки. Петр крутит баранку, а Виктор покупает скот и платит денежки. И как может быть иначе между братьями? Они доверяют друг другу. Да и другие заготовители и шоферы-кассиры строят свои взаимоотношения на полном доверии. Шофер Виктор Икаев получает в кассе деньги и передает их заготовителю Жорику Сабанову, хотя Жорик ему не сват и не брат. Доверие к человеку — великое дело!

Зато и те и другие — и шоферы и заготовители — считают вполне допустимым надувать и обворовывать собственное предприятие. По-прежнему стряпают фиктивные квитанции с вымышленными фамилиями и фальшивые авансовые отчеты с вдвое завышенными суммами. Только в мае — июне за три поездки они приобрели в Грузии 53 лошади за 6180 рублей, а в отчете показали 14 960 рублей. Разницу — 8780 рублей — положили себе в карман.

А как же приказ Госбанка о том, чтобы оплату производить через сберкассы? Лежит себе. Приказ не мерин он овса не просит...

поручим резюмировать Вильяму Шекспиру, который сказал: «СЧАСТЛИВ ТОТ, КТО, СЛЫША ХУЛУ СЕБЕ, МОЖЕТ ЕЮ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ».

А не вывесить ли транспарант с этой убедительной сентенцией в иных ведомствах — хотя бы в тех, о которых пойдет речь ниже! Ответ на этот вопрос нам подскажет

Под заголовком «Я вам п шу...» в № 20 «Крокодила» (1976 год) была опубликована переписка с руководителями всесоюзных объединений, причастных к созданию шариковых ручек: «Союзоргтехники» — Н. Н. Лукояновым, «Союзхимпласта» — Е. И. Евсюковым и «Союзанилпрома» — Ю. Н. Шаниным.

Переписка, как помнит читатель, была шутейная, хотя факты были приведены подлинные. «Ответы противной стороны,— говорилось в фельетоне,— предполагаемые. Если тт. Лукоянов, Евсюков и Шанин с ними не согласны, пусть пришлют свои».

Руководители объединений с готовностью прислали свои ответы. Смысл их можно выразить двумя словами: «Мы согласны!»

Да, в отмеченных Знаком качества шариковых ручках РШ-47 и РШ-47м использовались импортные шарики и паста, а когда запас импорта иссяк, прекратил свое действие и Знак качества.

Да, завод «Сухумприбор» поставлял кособокие шарики, Миннефтепром — полистирол только двух-трех расцветок.

Да, институт НИОПиК бился, но никак не мог добиться уменьшения каплеобразования при письме.

Все это было! Каемся и сочувствуем! Крокодилу досталась ручка, выпущенная до 1975 года. Зато теперь!..

«В январе 1975 года в Министерстве химической промышленности было проведено совещание с участием министра химической промышленности тов. Костандова Л. А. и министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления тов. Руднева К. Н.,— сообщает Ю. Н. Шанин.— ...Все решения совещания выполняются в объемах и в сроки, установленные этим совещанием... Никаких претензий Минприбора к качеству пасты не поступало...»

«...Горловское производственное объединение «Стирол» обеспечивает ежегодную поставку заводу «Союз» не менее 30 расцветок ударопрочного полистирола»,— пишет Е. И. Евсюков.

«В настоящее время завод «Сухумприбор» выпускает твердосплавные шарики с государственным Знаком качества и подготовил к аттестации в этом году шарики из нержавеющей стали»,— с гордостью докладывает Н. Н. Лукоянов.

— Так вот, оказывается, почему нам не повезло с РШ-47 завода «Союз»! — догадались мы.— Все дело в том, что эта ручка была выпущена до совещания с участием двух министров! Зато уж теперь можно спокойно покупать любую шариковую ручку!

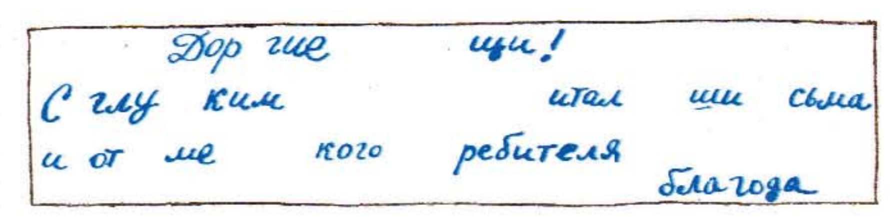
И отправились в ближайший магазин канцелярских принадлежностей, где и облюбовали ручку в блестящем металлическом корпусе — РШ-121 Московского завода имени Сакко и Ванцетти. На подарочной коробочке были проставлены дата выпуска — IV.76 и цена — 2 р. 90 к.

В редакции мы с наслаждением обнажили блестящую РШ-121 и вознамерились написать тт. Лукоянову, Евсюкову и Шанину от имени Крокодила вот эти теплые, идущие от всего сердца слова:

«Дорогие товарищи!

С глубоким волнением я прочитал Ваши письма и от имени широкого потребителя шариковых ручек хочу сердечно Вас поблагодарить».

Но из этой затеи получилось вот что:

РШ-121 писала лишь в вертикальном положении. При наклоне она упиралась краем тупорылого корпуса в бумагу, отчего и получались пропуски в письме.

Безуспешно потрудившись еще некоторое время, мы сняли телефонную трубку и позвонили на завод—изготовитель РШ-121.

— Эх,— сказали на заводе,— устами товарищей Лукоянова, Евсюкова и Шанина мед бы пить! Это, конечно, хорошо, что состоялось совещание с участием двух министров, только снабжают нас ой как плохо. Для металлических корпусов ленту мы получаем скверную. Полистирол — не тридцати, а всего лишь шести расцветок. Паста подтекает, образует капли. Шарики не ахти какие круглые...

Любопытно: как руководители трех всесоюзных объединений поняли предложение Крокодила прислать свои ответы? Может быть, как приглашение продолжить шуточную переписку?

На сегодня всё.

Крокодил не говорит: «До свидания!»

Он не хочет больше свиданий на своих страницах с упомянутыми товарищами и фактами. Он надеется, что для свиданий не будет поводов.

Но обещает всем другим, прячущимся за отписки, что их вновь и вновь будут ждать

Леонид ТРЕЕР

ВЕЗУЧИЙ ГАВРИЛИН

Гаврилин, скромный молодой человек, рано начавший лысеть, служил в отделе коммунального хозяйства. Отдел находился в трехэтажном доме с колоннами, с бесконечными коридорами и высокими потолками. У входа в дом висело множество разноцветных вывесок, и те, кто приходил сюда впервые, подолгу изучали эту мозаику, путаясь в названиях организаций.

Гаврилина направили в отдел после окончания института. Считалось, что ему повезло: приличная должность, спокойная работа, большой город. Многие из сокурсников завидовали Гаврилину. Поначалу он томился от постоянного сидения, бумажной волокиты, от вида мрачных шкафов, набитых папками. Стойкие запахи пыли, каких-то особых чернил и духов, наполнявшие комнату, были неприятны Гаврилину, и ему постоянно хотелось высунуть голову в форточку.

Но уже через год Гаврилину стало казаться, что он с самого рождения связан с отделом коммунального хозяйства. Он привык и к бумажной волоките, и к стойким запахам пыли, чернил и духов, и к шкафам, которые выглядели теперь вполне нормально. Жизнь Гаврилина протекала спокойно и размеренно, и всякая мысль о нарушении сложившегося уклада казалась ему нелепой и вздорной.

За четыре года, проведенные в отделе, Гаврилин набрался житейской мудрости и избавился от вузовской нетерпимости. Сейчас он не мог без улыбки вспоминать, как петушился на заре своей трудовой деятельности, горячо и искренне критикуя работу отдела. Он возмущался тогда вслух, был резок в суждениях и предлагал конкретные меры. Его слушали с шутливым вниманием, словно умненького ребенка, и кивали в знак согласия. Ему никто не возражал, но ничего не менялось, и Гаврилин недоумевал, словно его удары приходились в пустоту. Лишь однажды инженер Валиулин, задержавшись после работы с Гаврилиным, дружески сказал:

— Ну что вы, Саша, так кипятитесь? Смешно, ей-богу. Работаем мы средне. Можно и хуже, можно и лучше. Придет время — будем вкалывать лучше.

Простота этой мысли поразила Гаврилина, он получил первый урок, но не последний. Постепенно он расставался с поспешностью в суждениях, с критическими речами. Он научился слушать, видеть, молчать. Свое мнение он высказывал лишь в тех случаях, когда его спрашивали, при этом он учитывал возможные последствия своего высказывания и потому знал заранее, что нужно говорить. Точно оценив возможности роста, Гаврилин тщательно запрятал честолюбивые желания, демонстрируя пренебрежение к служебной лесенке. Он был достаточно скромен, чтобы скромность его могла быть замечена сослуживцами и по достоинству оценена. Не вступая никогда в споры, он постепенно завоевал право судить и, когда к нему обращались, разрешал противоречия так умно и тонко, что спорящие стороны испытывали удовлетворение от сознания собственной правоты. Если же предмет спора был достаточно скользкий, Гаврилин признавался в своей некомпетентности, зарабатывая на этом лишнее очко как человек, не берущийся судить обо всем на свете. Он никогда не отказывал дать взаймы денег, сам одалживал у коллег очень редко. Он мог бы вообще не одалживать, но не хотел прослыть чересчур экономным.

Все это получалось у Гаврилина легко и естественно. Он пользовался уважением, был исполнительным, приятным во всех отношениях сотрудником, и потому никто не удивился его переводу в старшие инженеры.

Гаврилину поручили не очень приятное дело — отвечать на жалобы трудящихся и критику со стороны газет, непрестанно бичующих службы коммунального хозяйства. На новом поприще он еще более укрепил свой авторитет, прославившись безукоризненным стилем отписок. Ответы его были полны того бюрократического лоска, в котором легко тонет суть дела и всплывают второстепенные детали. Словом, служебные успехи Гаврилина были очевидны.

Для душевного равновесия ему не хватало устроенной личной жизни. В тридцать лет он оставался холостяком. В отделе Гаврилину почти каждый день напоминали, что годы идут и без настоящей подруги жизнь уныла. Альбина Апраксина, львица с неустроенной судьбой, сидящая через стол от Гаврилина, лениво и громко говорила ему:

— Иди, Сашенька, за меня, мы сделаем образцовую семью.

Гаврилин краснел и делал вид, что занят работой. До двадцати восьми лет он не искал «настоящую подругу», считая, что еще не время. В тридцать лет он сказал себе «Пора!» и, сформулировав задачу, приступил к ее решению. Будущая жена, считал Гаврилин, должна быть не слишком красивой, но симпатичной, не слишком юной, но и не старше двадцати четырех лет, не очень умной, но и не глупой, иметь родителей не слишком богатых, но обеспеченных. Он аккуратно выписал на листе места, где можно ожидать встречи с интересной девушкой. Рестораны, кафе, танцплощадки были отвергнуты, поскольку, по убеждению Гаврилина, порядочные девушки туда не ходят. Оставались концертные залы, театры, библиотеки, пляжи. Пляжи он выделил особо как самое благоприятное место, где можно, не торопясь, разглядеть будущую супругу. Но неожиданно для Гаврилина вопрос о женитьбе решился гораздо проще.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

В одну из декабрьских суббот сотрудники отдела вместе со своими семьями отправились за город, на лыжную базу. Гаврилин не любил кататься на лыжах, но счел неудобным отказаться от поездки. Шубин, начальник отдела, был с дочерью, высокой, нескладной девицей, два года назад окончившей школу, не поступившей в институт и терпеливо ждущей первой любви. Гаврилин отметил про себя, что эта девушка имеет мало шансов выйти замуж, но он был единственным холостяком в компании, и роль галантного кавалера выпала ему. Он справился с этой ролью столь успешно, что, когда они вдвоем вернулись с прогулки на базу, Зина (так звали девушку) не переставала смеяться и даже несколько похорошела. Ее отец, давно не видевший чадо улыбающимся, обрадовался, как старый король, готовый отдать полкоролевства тому, кто рассмешит дочь. Он смотрел на Гаврилина весьма благосклонно.

Гаврилин был польщен.

В конце следующей недели начальник отдела вызвал к себе Гаврилина, долго беседовал о служебных делах, а в конце разговора, как бы между прочим, обронил:

— Да, чуть не забыл, у моей Зиночки есть лишний билет на какой-то диксиленд. Пойдешь?

Он внимательно смотрел на Гаврилина и ждал. Внутри у служащего стало пусто и нехорошо, словно ему должны были вырвать зуб. Он сразу догадался, что ради этого билета и был вызван. Молчание затянулось. Он спохватился и быстро сказал:

— С удовольствием, Георгий Павлович!

Во время концерта Гаврилин искоса поглядывал на Зину, слегка притопывающую туфлями 39-го размера в такт негритянским ритмам, и думал о странной шутке, которую сыграла с ним жизнь. В антракте он был в буфете в числе первых, угощал Зину лимонадом, пирожными, купил шоколад «Гвардейский». Зина была неразговорчивой, так что ему пришлось рассказывать много всякой ерунды. Он рассказал очень смешной анекдот, который всегда имел успех, но Зина, не улыбнувшись, произнесла: «Антракт кончился» — и пошла в зал, а Гаврилин поплелся за ней, уставясь на ее крупные лопатки, похожие на остатки крыльев.

Расставшись с Зиной, он испытал облегчение, но через неделю Шубин опять вызвал его и пригласил на день рождения дочери.

— Ты только не думай, что я тебя неволю, — добавил Шубин. — Не хочешь, не ходи...

Гаврилин заверил его, что очень тронут и с удовольствием поздравит именинницу.

Гостей было мало, около десяти человек, в основном пожилых. Гаврилин купил в подарок флакон дорогих французских духов, и Зина, принимая презент, покраснела от удовольствия. Гаврилин держался очень хорошо, ухаживал за дамами, мило острил и часто танцевал с именинницей. Он видел, что нравится присутствующим, и находил в этом удовольствие.

Опьянев от выпитого и близости к начальству, он был готов смириться со своей участью и начал находить в Зине разные достоинства. Если не считать внешности, она удовлетворяла тем требованиям, которые он предъявлял к будущей жене.

«По крайней мере,— размышлял Гаврилин,— не придется мучиться от ревности».

Кроме того, Зина неплохо готовила и шила, о чем ему успела сообщить ее мамаша.

Уходил Гаврилин последним. Георгий Павлович у самой двери выпил с ним на брудершафт, долго целовал в губы и, расчувствовавшись, спрашивал:

— Не подведешь?

— Не подведу! — твердо обещал Гаврилин.

Домой он вернулся в прекрасном настроении и снов в эту ночь не видел. Утром болела голова и на душе было муторно.

В отделе знали о романе Гаврилина, кто-то видел его с Зиной, но при нем этот вопрос не обсуждался. Гаврилину казалось, что коллеги в душе смеются над ним. Когда он входил в комнату, все взгляды скрещивались на нем, и в них ему чудилась насмешка. Он еле сдерживал раздражение. Хотелось послать к черту Зину с ее папашей и всю эту контору, провожающую его понимающими ухмылками.

Гаврилин захандрил и целый месяц не звонил Зине. Он избегал встречаться с Шубиным, боясь прочесть в его глазах угрозу. Однажды они все-таки повстречались в коридоре. Начальник шел медленно, о чем-то задумавшись. Гаврилин разволновался, хотел шмыгнуть в туалет, но не успел и промямлил:

— Здравствуйте, Георгий Павлович...

Шубин рассеянно взглянул на него, кивнул и проследовал дальше, оставив Гаврилина в растерянности.

«Скверное дело,— взволнованно думал Гаврилин,— и говорить не желает...»

Теперь он не сомневался, что начальник будет мстить за отвергнутую дочь...

На следующий день он уже гулял с Зиной по бульвару. От фонарей падал бледный свет, и снег казался искусственным. Вокруг не было ни души. Они брели по дорожке, и Гаврилин вдруг почувствовал себя неуклюжим ящером, обреченным на вымирание.

— Я на вас не сержусь, Саша,— неожиданно сказала Зина. И он, подумав, сжал ее пальцы в знак благодарности.

Пришла весна. Жить стало приятней. Прилетели птицы, разбились на пары и запели. Последние сомнения отпали, и в мае Гаврилин сделал Зине предложение, которое было принято с нескрываемым удовольствием.

После свадьбы молодожены отправились справлять медовый месяц на Золотые Пески, куда достал путевки счастливый Георгий Павлович. Осенью супруги Гаврилины получили квартиру. В октябре проводили на пенсию Макарьева, заместителя начальника отдела, и Гаврилин занял его кресло. В отделе ему завидовали и говорили, что парню дико повезло.

Жизнь Гаврилина складывалась удачно. По субботам, чтобы не располнеть, он играл с женой в бадминтон, вечерами они ходили в гости или смотрели телевизор. Зина любила печь пироги, и в доме всегда стоял запах сдобного теста, любимый запах Гаврилина.

Иногда, не чаще чем раз в месяц, Гаврилин вдруг испытывал страшную тоску и глубокую обиду на судьбу. Он раздражался по пустякам, кричал, что так жить больше невыносимо, называл жену коровой и разбивал какую-нибудь статуэтку. К утру он успокаивался и просил прощения. Зина плакала, в конце концов прощала, и жизнь опять возвращалась в русло благополучия.

г. Новосибирск.

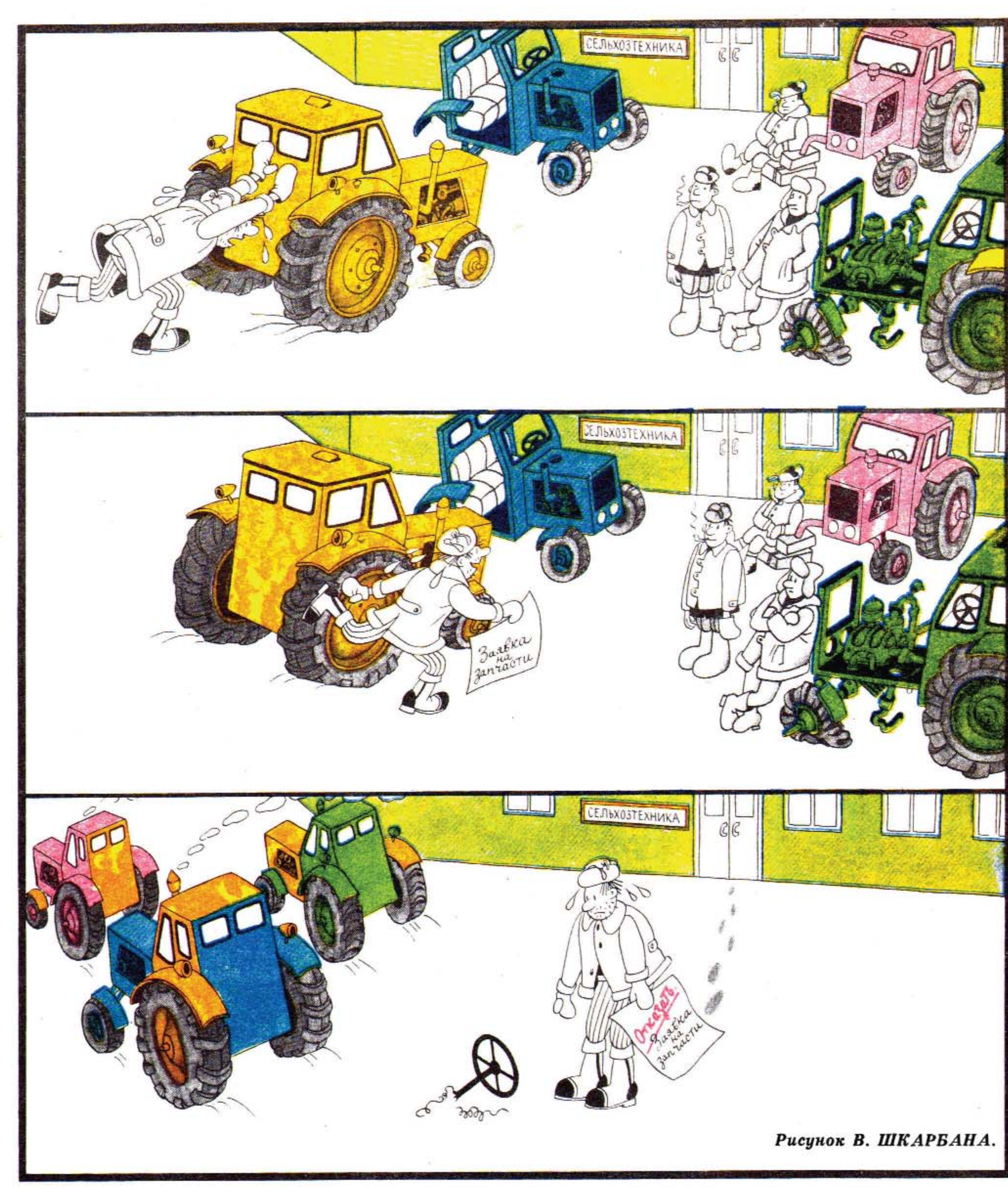

Рисунок В. ШКАРБАНА.

ВИЛЫ В БОК!

Персональный тягач

Начальник передвижной механизированной колонны № 2 объединения «Калининмелиорация» Ю. А. Малышев использовал в качестве персональной машины тягач «КРАЗ-258». Разъезжал на нем по объектам проверять, как проводится осушение или орошение. И, знаете, очень солидно получалось. Рабочие, увидев издали тягач, сразу догадывались:

— Это Юрий Александрович едет!..

Вообще-то начальник ПМК-2 мечтал использовать этот тягач по назначению — перевозить на нем оборудование и железобетонные плиты. Однако «КРАЗ» поступил в ПМК-2 из управления производственно-технологической комплектации объединения «Калининмелиорация» без прицепа. А что такое «КРАЗ» без прицепа! Это кабина на двоих: для шофера и пассажира, и мотор в двести сорок лошадиных сил. Ну, а прицеп от этого тягача управление комплектации почему-то выдало другой строительной организации...

Вот и приходится использовать тягач грузоподъемностью в двенадцать тонн в качестве персональной машины.

В. КАНАЕВ.

Тапочки-однодневки

Давно замечено, что по квартире удобнее всего ходить в уютных домашних тапочках. И москвич В. К. Курдяев купил в магазине «Сапожок» замшевые тапки производства Московского экспериментального кожевенно-обувного комбината. А через несколько часов щеголял... босиком.

Когда он подскочил к плите снять убегавшее молоко, подошвы не выдержали быстрого темпа и несколько отстали... В сердцах Курдяев выбросил негодные подметки. Хотел было выкинуть и замшевый верх, но спохватился и, разыскав товарный чек, отправился в магазин «Сапожок».

— Без подошв тапочки заменить не можем,— покачала головой продавец Т. Выходова.— Да вы купите новые. Они всего пять рублей стоят...

Но Валентин Карпович больше раскошеливаться не стал. Пять рублей — это, конечно, не дорого. Но не дороговато ли все же для тапочек-однодневок?

К. ФЕДОРОВ.

Мануил СЕМЕНОВ

БУДЬТЕ МИЛОСЕРДНЫ!

Жизненный девиз врача — милосердие.
Старинное изречение.

В жизни человека иногда наступает такой момент, когда он, к удивлению окружающих, берется за совершенно незнакомое ему дело. Нечто подобное произошло недавно со мной. Редакция одного иллюстрированного журнала спросила меня, не возьмусь ли я написать очерк о врачах. По причинам, которые выяснятся в конце, я согласился и охотно приступил к выполнению задания.

В поисках интересного материала для очерка я отправился в Коми АССР.

Оказавшись в Эжвинской городской больнице Сыктывкара, я решил познакомиться с врачом Г. Ф. Ощепковой и пристроился в очередь к ней на прием, чтобы послушать, о чем говорят между собой больные. Вопреки ожиданию очередь двигалась довольно быстро. Вскоре и женщина, сидевшая на скамеечке впереди меня, оказалась за неплотно прикрытой дверью кабинета врача. Войдя, больная протянула ей талончик. Рассеянно глянув на него, врач разорвала талон на части и бросила в корзину для бумаг. Больная опешила.

— А как же прием?

— Его не будет. Сегодня я принимаю повторных больных.

— Тогда запишите меня на завтра.

— Завтра у меня будут только ушные. У вас болят уши?

— Нет, пока не жалуюсь, спасибо.

— Не за что. Освободите кабинет и пригласите следующего больного..

Следующим был я, но вместо меня к врачу направился повторный больной. А я поехал в республиканское министерство здравоохранения. Здесь, в приемной, мне суждено было стать свидетелем такого разговора:

— Я ему говорю: вот, мол, глаза стали пошаливать...

— Ну а он?

— А он отвечает, что здесь республиканская больница, а мне надо сначала в районную.

— Ну а вы?

— Я говорю, что мне все равно: районная ли, республиканская ли. Все равно, говорю, республика-то наша, Коми, а не какое-то там Сан-Доминго.

— Ну а он-то, он что?

— Он сказал, чтобы я тут международной конфронтацией не занималась. И выгнал...

Позднее я выяснил, что разговор этот происходил между больной А. П. Наумовой, прилетевшей в Сыктывкар из села Нившера с направлением на консультацию в республиканскую больницу, и главным окулистом республики Ю. С. Шуктомовым. Позднее же мне удалось узнать, что в 1975 году больше половины (52,6%) поступивших в министерство писем — это жалобы на грубое, невнимательное, бездушное отношение медицинского персонала к больным и халатное выполнение некоторыми эскулапами своего врачебного долга.

Очерк пока не вытанцовывался. «Надо по-другому,— подумал я.— Славно было бы начать очерк с клятвы, которую дают все выпускники медвузов: вступая в ряды... торжественно клянусь... высоко нести честь и достоинство советского врача... Славно было бы, ей-ей».

А что, если написать о Татьяне Федотовне? Кто не знает, поясню — это наша соседка, тоже врач. Нет, никого в нашем подъезде она не лечит, ее участок где-то на окраине Черемушек. Так у них в медкадрах подчас заведено: послать терапевта куда-нибудь подальше... Так вот, Татьяна Федотовна нас не врачует, только иногда, встретив на лестничной клетке или у подъезда, скажет:

— Что-то, Марья Дмитриевна, мне сегодня цвет вашего лица не нравится. Опять весь вечер у телевизора просидели? Надо на воздухе больше бывать.

Или:

— Иван Афанасьевич, опять вы вчера себе позволили? С вашей-то печенью? На больничную койку захотели? Так я это вам в два счета устрою!

Скажет вот так, на ходу, а иногда кому-нибудь таблетку, флакончик капель даст и потом непременно спросит: «Ну, как, помогло?»

Но главные дела Татьяны Федотовны, конечно, там, на участке. Ровно в семь появлялась ее маленькая, аккуратная фигурка в дверях подъезда, и она — топ-топ — по тротуару спешила к троллейбусной остановке. А возвращалась поздно—в восемь, полдевятого, когда наши старушки у подъезда собирались уже оставлять скамеечку и подниматься на лифте по своим этажам. Наши старушки знали (они все знают), что больные буквально молятся на Татьяну Федотовну, говорят, что когда она входит в дом, то с нею вместе появляются Добро и Забота... Так вот, сколько времени это продолжается — десять, пятнадцать, двадцать лет? Выросли, расцвели знаменитые Черемушки, только вот наша Татьяна Федотовна, кажется, росточком стала ниже, ее приятное лицо покрыли предательские морщинки, да и сама она чуть-чуть сгорбилась. Топ-топ к троллейбусной остановке и обратно... Топ-топ-топ...

Жаль, что о Татьяне Федотовне написать нельзя. Недоброжелательные, завистливые люди могут дурно истолковать это: соседи, мол, живут в одном подъезде, и все такое. Могут обвинить в протекционизме. Нет, отправлюсь-ка я лучше в Армению.

Но тут мне рассказали, что в административные органы республики поступает немало жалоб на ставшие в некоторых амбулаториях и клиниках дурной модой поборы с больных.

Одна жалоба мне особенно запомнилась. Вот что в ней рассказывалось об уродах-медиках. Привозят им больного, нуждающегося в срочной оперативной помощи, а они, бывало, и пальцем не шевельнут. Они — значит хирург, анестезиолог, хирургическая сестра. Сидят, покуривают сигаретки, ждут. Чего ждут? Может быть, ждут момента, когда мимо больничных окон пройдет женщина с полными ведрами воды (хорошая примета!), когда прокукарекает петух или, наконец, когда очередной искусственный спутник завершит очередной полный оборот вокруг Земли? Нет, ждут, когда явятся родственники больного с подношениями. Вот тогда-то они аккуратно загасят сигаретки и чинно отправятся в «предбанник» мыть руки...

О серьезных нарушениях некоторыми медработниками врачебной этики в республиканское министерство здравоохранения писали граждане Бендель-Араб, Хчитарян. Но кардинальных мер по этим сигналам так и не было принято.

Погодите, опять меня куда-то не туда потянуло... Ах, как важно не сбиться на неверный тон, не допустить, чтобы отдельные отрицательные явления заслонили общую картину! Буду стараться нащупать верную очерковую интонацию. Можно, например, тепло рассказать о тысячах и тысячах врачей, которые сутками не выходят из больничных палат, которые, превозмогая усталость, проводят бессонные ночи у постелей больных...

Так вот боролись во мне два начала — положительное и сатирическое, добро спорило со злом, желание воздать хвалу достойным соседствовало с боязнью пройти мимо людей равнодушных и нечистоплотных. И все-таки очерк я написал. Хочу только подчеркнуть: дело совсем не в том, что замечательные очерковые факты и ситуации подбросили мне Воронеж и Улан-Удэ, Ленинград и Ижевск. В том же Сыктывкаре и Ереване, покопавшись поглубже, я мог бы натолкнуться прямо-таки на потрясающие примеры врачебного благородства, подвижничества и рыцарства. Очерк в журнале похвалили, сказали, что скоро напечатают. Казалось бы, все в порядке...

Но что же тогда меня беспокоит, что нет-нет да и кольнет? Какая-то смутная тревога... Может быть, она вызвана тем, что одновременно с заказанным очерком я написал и этот фельетон, о котором, собственно говоря, никто не просил. Ох, не вышел бы он мне боком! Тем более время идет и идет, незаметно бегут года. И как-то чаще начинаешь ощущать какие-то недомогания. Интересно, велика ли смертность среди фельетонистов, ну, скажем, в сравнении с очеркистами?

Да, черт возьми, незавидное положение! Пожаловаться на скверное самочувствие жене? А не будет ли это моей самой большой ошибкой? Жена вызовет врача, тот положит меня в больницу. И тогда...

Доктор, будьте милосердны!

КРОСС

КРОкодильская Спортивная Страница

Шахматы не отдых!

На скамейке под жгучим ялтинским солнцем сражались шахматисты. Они следили за шахматными фигурами, поэтому фигура милиционера всегда возникала перед ними неожиданно. А фигура эта даже в чине сержанта устрашала их больше, чем ферзь или ладья. Сержант не подчинялся шахматным правилам, он действовал согласно местным инструкциям, которые указывали, что скамейка, бесцеремонно захваченная шахматистами, предназначена исключительно для отдыха граждан.

Нет здесь гротеска. Нет домысла. А есть подлинные действия милиции, воздвигнутые на фундаменте постановления Ялтинского горисполкома от 25 июня 1975 года. Четко выстроены в документе категоричные пункты под общим названием: «Нарушения общественного порядка, не влекущие за собой привлечения к уголовной ответственности».

Дабы не задавить читателя грудой информации, приведем лишь часть из них.

Итак, прежде всего осуждаемо «произношение неприличных или нецензурных слов» и «хождение по клумбам». Затем — «азартные игры на деньги...». И вот, наконец, долгожданное: «Запрещается игра в шахматы, шашки, домино на скамейках, предназначенных для отдыха, на улицах, в парках, скверах и других общественных местах, кроме мест, специально отведенных для этой цели».

Загадочна причина сваливания шахмат в одну позорную кучу с непечатным словом и азартными играми. Может, виновато тут внешнее родство термина «мат» в шахматах с нешахматным словом-близнецом? Может, показалась городским властям подозрительной схожесть словосочетаний «король белый» и «король бубновый»?

Впрочем, ладно. Зачем конфликтовать с властями, когда любителям древней игры заботливо предоставили специально отведенное для этой цели место? Двинем в сторону, указанную перстом постановления.

На улице Чехова высится экзотическое строение — костел. В нем и функционирует городской шахматный клуб. Наличествует здесь радующий глаз лозунг «ГТО все возрасты покорны». Собран необходимый инвентарь. Есть и сами шахматы. Но грустит директор клуба Вячеслав Григорьевич Марков. Грустен и городской совет ДСО «Спартак», квартирующий под этой же крышей.

Потому, что течет крыша. Течет давно и упорно. И, похоже, без капитальных вложений не намерена прекратить это постыдное занятие. Сырой микроклимат костела-клуба гонит любителей шахмат на залитые солнцем улицы, в парки и скверы. Там они в часы досуга отдыхают за шахматной доской. До появления милиции...

Дм. БРАТАНОВ.
г. Ялта.

Федор НОСКОВ

Подвижник футбола

В футбол играть вам — не в игрушки.
На днях наш форвард разбитной
Лежал полтайма без подушки,
Но все же выклянчил штрафной.

г. Калининград,
Московская область.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

Александр ХОРТ

ПЕРЕГОВОРЫ

Рассказ

После второго урока была большая переменка, и ученики проводили время на школьном дворе.

Причудливо изогнувшись, чтобы солнце попадало в лупу, долговязый Колька Пыхалов из третьего «Б» кончал выжигать на расческе свое прозвище «Штанга», когда краем глаза заметил, что перед ним остановились два малознакомых пацана.

— Здорово, Штанга,— начал один из них.— У нас к тебе серьезное предложение.

— Какое еще предложение? — лениво отозвался Колька.

— Предложение такое: переходи учиться в наш класс — нам хороший вратарь позарез нужен. Без вратаря, сам понимаешь, у третьего «В» не выиграть. Переходи.

Колька задумался, почесал пятерней затылок, после чего спросил:

— А что я с этого буду иметь?

— Машину получишь! — выкрикнул кучерявый мальчик.

— Небось, заводную подсунете?

— Что ты, что ты! — испугались ребята. — Настоящую, на батарейках.

— На батарейках — это ничего, ничего, — милостиво улыбнулся Колька, — это годится.

— Переходишь?

— Подумать надо. Ну, положим, перейду, а что мне это дает? С нашим классом я смогу столько стран повидать, сколько вам и не снилось — нашему капитану отец из Африки диафильмы привез.

— Подумаешь, картинки. У нас ты весь свет можешь по-настоящему увидеть — Юркина мать в обсерватории работает. Она даст глянуть в телескоп.

— Годится.

— Переходишь?

— Погоди. Надо прикинуть, что я буду иметь.

— Ну, хочешь, после игры медаль дадим? — сказал кучерявый. — Наша овчарка их много завоевала. Я сниму одну потихонечку.

— Годится.

— Переходишь?

— Не суетись. Надо обдумать, что я буду иметь. От физкультуры освободят?

— Конечно, освободят.

— А от пения?

— От пения не освободят. У нас певичка строгая.

—Не освободят, — произнес разочарованным голосом Штанга и тут же разразился сардоническим смехом: — Ну, знаете ли, товарищи, тогда я предпочитаю остаться в родном коллективе.

— Значит, отказываешься переходить? — вздохнули парламентеры.

— Отказываюсь! — жестко отрезал Колька.

Пришельцы уныло побрели прочь, а к Штанге обратился наблюдавший за торжищем первоклассник:

— Слушай, зачем ты столько просишь?

Колька снисходительно улыбнулся:

— Эх ты, малышня! У меня же отец настоящий футболист. Вот я и знаю, как переходить надо. Ясно?

— Что-то папаша с годами стал совсем жадным, зимой снега не выпросишь...

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Николай ЭНТЕЛИС

КОЛУМБУ

Привет, Колумб!
Большой привет, старик!
Ты, как колун,
Врубился в материк.
Мальчишку ночью
Подними с кровати —
Ответит точно:
— Первооткрыватель!

Да! Ты открыл
Не жидкость для волос,
Не стержень-шплинт,
Не призового мерина —
Тебе стяжать
Известность довелось
Открытием по имени
Америка.

Но разве открыватель —
Он один!
Один он
Листья с лавра обрывает!
Любой из нас —
Шатен, брюнет, блондин —
Поверьте,
В жизни что-то открывает.

Я утверждаю,
Что Колумб — любой!
Дана природой всем
Такая милость.
Вот этот, например,
Открыл любовь:
И так любил —
Колумбу и не снилось.

А тот открыл,
Что есть на свете звук,
Есть громовые,
Светлые октавы,
Они людей
К раскрылости зовут
И повышают
В их крови октаны.

А та открыла —
Медленно, с трудом,
Когда согбенной стала
и седою,
Когда не помогал уже
радон,—
Что можно
В жизни быть самой собою.

А что открыла девица-краса,
За поводок привязанная
к таксе!
Что прелесть жизни —
Рваться,
Как корсар,
В кабак,
Где рок,
И ром,
И «макси»...

А что открыл
Дядь Вася, мой сосед,
Тасующий бега, «козла»,
парную!
Нет, нет —
Не бесталанен дядь совсем:
Открыл он в парке
Новую пивную...

Колумб, Колумб!
Ведь ты в любом из нас
Какими-то чертами
Воплотился
И, перейдя столетий
скользкий наст,
Ты с нами
Дерзновеньем расплатился.

И я за то,
Старик,
Тебя люблю,
Что на волнах,
Взрывавшихся, как мины,
Твои скорлупки танцевали блюз,
Когда америк
Не было в помине!

ПЕРЕДАЧА ДЕЛ.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Калифорнийский Гитлер

САН-ФРАНЦИСКО. От специального корреспондента «ВСИТ» Льва Скамейкина.

●

Делегаты 42 фашистских организаций из различных стран собрались здесь для проведения «Всемирного националистического конгресса». Знакомые американские журналисты провели меня на конгресс, выдав за своего коллегу.

Как только я вошел в зал, мне бросился в глаза огромный портрет Гитлера. Делегаты расхаживали в коричневой нацистской униформе, всюду на стенах болтались гитлеровские флаги вперемежку с американскими. Трудно поверить, что зал находился неподалеку от Хардинг-парка и озера, где спокойно ловят рыбу нормальные американцы.

Оказавшийся рядом тип предложил мне два нацистских флажка, пояснив: «Мы получили их утром из Западной Германии, там это можно свободно купить в любом магазине». Кто-то сунул мне под нос нацистскую каску для добровольных пожертвований.

Оратор был встречен бурными возгласами «Хайль» и восторженным шепотом «Сам, сам». «Сам» говорил порывисто и несвязно, звал на борьбу с коммунистами, неграми и евреями, обильно цитировал «Майн кампф», а зал в ответ скандировал «Белая победа!». Сосед пояснил, что оратор — сам фюрер Аллэн Винсент. Он начал создавать национал-социалистскую партию в 1973 году. Тогда он один прошествовал по улицам Сан-Франциско с гитлеровским знаменем в руке. Жизненный путь фюрера «светел и прям»: в 13 лет он попадает в исправительную колонию за кражу. После этого становится наркоманом, ворует и снова садится в тюрьму на десятилетний срок. Там ему попадается на глаза нацистская брошюра, и он, не слезая с нар, становится ярым нацистом. Выйдя на волю, он организует демонстрацию в порту Сан-Франциско под лозунгом «За белую Америку»...

После собрания фюрер Винсент приблизился ко мне, уже переодетый в гражданский костюм. Я уставился на его кобуру под пиджаком.

— Если вас интересует оружие, могу дать адресок,— усмехнулся фюрер и нацарапал адрес на листке бумаги. Затем он самодовольно заявил:

— Знайте, что наша партия будет развиваться быстро, потому что Америка — страна свободы.

На следующий день я интереса ради посетил указанный им магазин. Это был настоящий супермаркет почти в центре Сан-Франциско. Он был набит оружием любого калибра. Непрерывно входили и выходили покупатели. На одной витрине около кассы красовались брошки и значки со свастикой, железные орлы с дубовыми листами и даже нацистские каски — все совершенно новенькое...

Метатели миллиардов

Похоже, что в израильском правительстве немало любителей спортивных состязаний. Но поскольку метать молот или ядро в кабинетах рискованно—можно сбить телефон и расколошматить сифоны с содовой,— министры мечут слова и цифры. Особенно увлекательные соревнования по метанию цифр происходят между министром обороны Шимоном Пересом и министром финансов Егошуа Рабиновичем.

Перес начинает:

— Военные расходы Израиля в расчете на душу населения самые высокие в мире.

Все смотрят на Рабиновича, предвкушая острую борьбу. И верно — тот, не задумываясь ни секунды, парирует:

— По налогам Израиль тоже занимает первое место в мире.

— Ничья,— констатирует премьер-министр Рабин, арбитр матча.

Перес делает вторую попытку. Он заявляет:

— В связи с приобретением новых огромных партий американского оружия внешний долг Тель-Авива превысит вскоре девять миллиардов долларов!

Рабинович набирает в легкие побольше воздуха, привстает со стула и выкрикивает:

— А внешнеторговый дефицит Израиля составляет четыре миллиарда долларов.

— В таком случае вы проиграли,— заключает арбитр Рабин,— девять миллиардов все же больше четырех.

Дается третья попытка. Кто кого? Ажиотаж нарастает.

— В ближайшие пять лет,— объявляет во всеуслышание Перес,— мы намерены израсходовать на военные нужды двести миллиардов фунтов.

Наступает мертвая тишина — у всех перехватило дух.

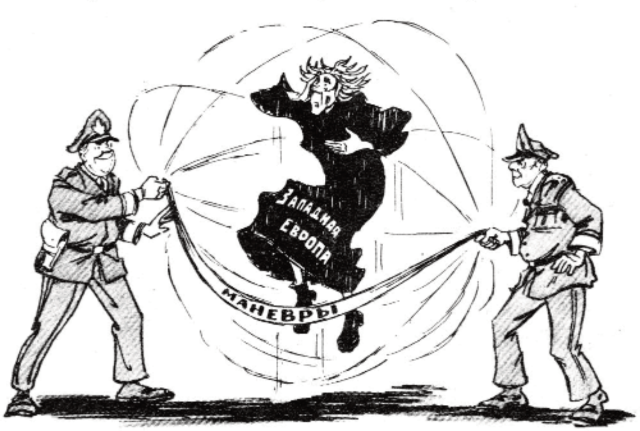
Перес бросает победоносный взгляд на соперника — тот в состоянии, которое в боксе именуется «грогги» — коленки подкашиваются, взор мутный. Но министр финансов молодчина! Он берет себя в руки, мобилизуется и мечет в ответ целый каскад цифр:

— В ближайшие две недели на двадцать процентов возрастет плата за проезд на общественном транспорте, на одиннадцать процентов — за пользование электричеством и водопроводом; неделю назад на двадцать процентов были повышены цены на основные продукты питания, и скоро они возрастут еще на сорок...

Арбитр Рабин аплодирует, он счастлив, эти финансовые рекорды ему по сердцу.

С улицы доносятся свист и негодующие крики тысяч рядовых граждан — ведь министры играют за их счет...

Частые военные маневры НАТО лихорадят повседневную жизнь западноевропейских стран.

УТОМИТЕЛЬНЫЕ ТРЕНИРОВКИ.

Рисунок Д. АГАЕВА.

Фабрикант-грабитель

Вот вы думаете, что быть капиталистом так уж легко и приятно. Нет, не так уж. И сырье закупай, и новые модели выдумывай, и за конкурентами глаз да глаз... Да еще не забудь, в свою очередь, их тайные микрофоны регулярно из сиденья своего кресла выковыривать. А тут к тому же твои рабочие забастовали...

И, оплакав в таком надрывном ключе свою горькую капиталистическую долю, шестидесятилетний фабрикант А. Маткович из австрийского города Линц подумал: «А за что я бьюсь, вообще-то говоря? За прибыль бьюсь, за деньги. Но разве нельзя эту прибыль откуда-нибудь выколотить побыстрее и попроще!»

Давно подмечено, что если человек напряженно думает, он до чего-нибудь обязательно додумается. Именно это и произошло с герром Матковичем.

И вот с маской на лице он вошел в банк и вместо чека предъявил кассирше пистолет. Изъяв более 138 000 шиллингов, он скрылся на автомашине. Полиция разыскала его только спустя несколько месяцев.

Вероятно, судья напомнит господину фабриканту, что не было особой нужды грабить кассу, если законом дозволено грабить рабочих.

Изобретатели и рационализаторы

Актуальные новинки

Изобретательская мысль неугомонна и отзывчива. Чуть где человек в запарке, к нему изобретатель: «А вот вам техническое приспособленьице для облегчения вашего горестного положения. Извольте попробовать».

Например, в Штатах суды просто завалены заявлениями о разводах, и хотя работают довольно оперативно, никак не успевают быстро демонтировать проржавевшие семейные узы. Поэтому группа новаторов из Чикаго изобрела «машину разводов».

В компьютер вводят взаимные жалобы супругов, и тут же в щелку выскакивает карточка, указывающая параграфы закона, на которые они должны ссылаться, если будут добиваться развода...

А один шведский инженер недавно предложил специальный сундук для перевозки ассигнаций и банкнот. Секрет его состоит в том, что, если сундук будет похищен при перевозке, счастья он налетчикам все равно не принесет. При попытке его открыть, подорвать или разрезать автогеном в действие мгновенно приходит находящийся внутри механизм, превращающий пачки бумажных денег в мелко изрезанную макулатуру.

Тоже весьма ценное для Запада изобретение...

ЗОЛОТАЯ КОРОВА

Т. ШАБАШОВА

ГЛАВА 1.

ШУМ В БАНКЕ

Фитцджеральд Офонарелли и Панталоне Хаммординг притаились в тиши подворотни.

Несколько минут назад, избиваемые вкладчиками, они выскочили из помещения банка, унося ноги и жалкую сумму денег — мизер, оказавшийся в ящике у кассира.

Кто-то стал стрелять, кто-то попадал в обморок, а какая-то часть во главе с шустрым старикашкой кинулась за грабителями, топоча ногами и отвратительно блея: «Держите!»

Но, слава всевышнему, Фитцджеральд и Панталоне имели опыт убегания. Погоня проскакала мимо, когда они юркнули в спасительное чрево проходного двора и укрылись там под сенью помойных баков. Оба потирали ушибленные места и старались не пикнуть, чтобы не выдать своего присутствия.

Первым молчание нарушил кот. Выскочив из-под кучи мусора, этот драный гуляка громким, заливистым «мьяу!» известил окрестных подруг о своих дерзких планах. Фитцджеральд и Панталоне покрылись холодным потом.

— Доехали! — злобно прошипел Панталоне.— Дрожим от кошачьего писка. Все. Хватит. Грабить банки сейчас — это атавизм! Только новорожденный недоносок не знает, что там кругом сигнализация и сплошь понатыканы кинокамеры! Очень может быть, что уже завтра все заборы во всех штатах украсят нашими портретами, словно мы смазливые секс-бомбы или кандидаты в президенты! Мы будем неплохо выглядеть в полосатых костюмах на каменоломнях Техаса!

ГЛАВА 2.

ЧТО ТЕКЛО В ПОДОЙНИК

Дома Фитцджеральд сидел как побитый, зализывал раны и безропотно принимал упреки: это он был автором схемы налета на банк. Сейчас вид его способен был разжалобить каменную глыбу. Панталоне съехал на тон ниже.

— Предоставим грабить банки желторотым дочкам папочки Херста,— примирительно сказал он.— А ты, Фитц, разлепи глаз и посмотри сюда!— Панталоне вытащил из бокового кармана аккуратно сложенную газету и протянул приятелю.

«СТОИМОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ,— прочитал Фитц.

— Один день пребывания в американском госпитале — 131 доллар.

— За каждую операцию американец в среднем выплачивает 1500 долларов.

— В 1975 году за пребывание в больницах и по счетам за визиты к врачу американцы заплатили 100 миллиардов долларов».

— Ну и что? — спросил Фитц, возвращая приятелю газету и затяжным зевком выражая свое отношение к прочитанному.— Я и без тебя знаю, что у нас в Штатах самая пустяковая хвороба, вроде чесотки или флюса, влетает в хорошенький финансовый нокаут. Когда тетя Хлоя лечилась от спондилёза, дядя Джек чуть не умер, расплачиваясь с врачами!

— Ты клюнул в самое зерно проблемы, Фитц! Я задумал беспроигрышное дельце. Я хочу, чтобы деньги за спондилёз тети Хлои текли ко мне в руки! — Панталоне наклонился к ушной раковине приятеля и торжественно проговорил:— Я хочу собственноручно пошарить в больничной кассе! Мы обработаем больницу!...

— Боль... Что-о?! — икнул Фитц.— Боль-ницу?!... Клистирное заведение! Ха! И что же ты собираешься там брать? Дюжину аппендиксов? Или блуждающую почку?

— Дневную выручку! И это будет побольше, чем мы с тобой прихватили в банке!

Готовя отмычки и бесшумную обувь, Пант рассуждал:

— Больничная касса буквально плачет по нас! Надо только подойти и оттопырить карман, деньги сами потекут туда, как в подойник.

На деле все оказалось сложнее.

Как и предполагалось, налетчики вырубили в больнице свет. Но кто-то цепкий сидел в помещении кассы и пытался оказать сопротивление. Фитцу опрокинули на ноги кислородный баллон. Панта огрели уткой по голове.

— Никогда не думал, что кислород такая тяжелая штука,— стонал дома Фитц.

— Не ной, Фитц! Мы совершили маленькую методологическую ошибку — хотели подоить чужую корову. Я придумал кое-что получше! Мы купим больницу! Корова вместе с выменем будет принадлежать нам!

ГЛАВА 3.

ОПЕРАЦИЯ «СВЯТОЙ ВАРФОЛОМЕЙ»

В приемный покой приятели явились со скорбными минами заядлых радикулитчиков. На вопрос медсестры «На что жалуетесь?» ответили: «Общее недомогание», и выразили просьбу повидать главврача, который, одновременно был и владельцем больницы.

Дальше все пошло четко и без осечек.

Фитцджеральд остался прогуливаться по коридору и охранять дверь главврача от случайных вхождений.

— Руки вверх! — скомандовал Панталоне, войдя в кабинет, но в ответ на это получил в челюсть чем-то тяжелым, как впоследствии выяснилось, металлическими щипцами для перекусывания ребер и трубчатых костей.

— Больница ваша будет наша! — кратко сформулировал Панталоне суть своего визита, за что стал мишенью для банки с формалином, в которой плавал, как потом стало известно, ценный трансплантат.

На стук и грохот вошел Фитц и предупредил доктора, что еще одна подобная выходка, и уж никакая медицина ему не поможет.

В конце концов этот док оказался славным малым. Хотя и долго упирался, прежде чем написал под диктовку Панталоне дюжину строк о том, что больница «Святого Варфоломея», принадлежащая мистеру Имяреку, переходит, со всеми ее медицинскими потрохами, в руки новых владельцев — мистера такого-то и такого-то, заплативших за нее два миллиона долларов.

— А деньги?! Где деньги?!! — вопил этот Гобсек от медицины.

— Не мелочитесь, док! — урезонивал его Панталоне, пуская в ход кулаки и все подручные средства информации.— Мы покупаем в долг! А вам подавай наличными? Привыкли, понимаешь, драть с живого и с мертвого!

От нотариуса новые законные владельцы «Святого Варфоломея» ехали весело.

— Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным! — балагурил Панталоне.— Как ты думаешь, Фитц, какого цвета «кадиллак» мы купим? Экрю? Жандарм-блю? Или, может, цвета детского испуга?

— Я думаю, Пант, куда бы нам махнуть на бархатный сезон — в Майами или на Палм-бич? Что пофешенебельней? — в тон приятелю подпевал Фитц.

Настроение, однако, портил этот нытик док. Он скис, не понимал шуток и весь стал похож на помойного кота, у которого отобрали любимую мышь.

Друзьям стало его жаль.

— Мы же вас не выгоняем, коллега! — добродушно говорили они.— Оставайтесь, лечите, режьте, потрошите, мы не против. И есть из-за чего вешать нос! Продали больницу? Так не вы же один! Стыдно, любезный, хандрить! Где ваша гуманность? Попользовались — дайте другим!

ГЛАВА 4.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ЭПИГРАФ

Как сообщает австрийская газета «Фольксштимме», «на западном побережье США мафия уже скупила несколько десятков больниц и намеревается превратить их в высокорентабельные предприятия».

Очередной рейс ковра-самолета.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА.

Рисунок Б. САВКОВА.

— Ну, а теперь поехали к вам, покажете, где там у вас на кухне кран протекает.

СЕМЬ КРУЖЕК ПИВА

Г. МАРЧИК

Рассказ

Мы с приятелем со вкусом потягивали из тонких стаканов прохладное пиво, насквозь пронизанное крохотными пузырьками, и увлеченно толковали о его пользе.

Чуть поодаль от нас, у окна, мой сын Валерий со своим другом Петькой чинили радиоприемник и не обращали на нас никакого внимания. Петька — высокий, тонкий, как прутик, вертлявый, с коротко остриженной головой, некрасивый: угловатое лицо, крупный нос, маленькие глазки, узкий лоб. При всем том общительный и добрый малый, а также большой модник.

Через несколько дней Валерий сказал мне:

— А знаешь, папа, вчера Петька выпил семь кружек пива. Это целый трехлитровый баллон и еще одна кружка. Потом еле до дому добрался. Если бы не я, свалился бы по дороге. Его мама чуть в обморок не упала.

Валерий смотрел на меня веселыми глазами.

— Вы что, спятили? — опешил я.— Где же это вы пили?

— В пивном баре. Мы туда теперь каждый день ходим.

— Поспорили, что ли? — мрачнея, спросил я.

— Да нет, не поспорили. Он решил потолстеть. Помнишь, вы с дядей Лешей говорили, что от пива быстро толстеют?

«Ах, черт возьми! — вспомнил я.— Да, что-то такое мы действительно говорили. Но не для них же, разумеется».

— Но зачем же так много сразу? — с досадой спросил я, не зная, как выпутаться из затруднительного положения.

— А он говорит: «Не хочу ждать. Я,— говорит,— форсирую».

— А зачем ему понадобилось толстеть? Одышка появится, живот...

— Да нет, живот ему ни к чему. Куртка у него есть — закачаешься. Но, понимаешь, великовата. Вот он и решил подогнать себя под эту куртку. А в этой куртке он хочет познакомиться с одной девочкой из нашей школы.

— А где же он берет деньги на пиво?

Сын неопределенно хмыкнул:

— Петька из любого тупика найдет выход. У него не голова, а счетно-решающее устройство.

— Ясно. Давай короче,— поторопил я.

— Он в доноры записался.— Валерий как-то странно улыбнулся.— И сразу решил все свои проблемы.

— Какие проблемы? — развеселился я.— Какие у вас, мальчишек, могут быть проблемы? Да к тому же не слишком ли он молод для этого?

— Ну, положим, мы не такие уж молодые,— с достоинством возразил Валерий.— Впрочем, сознаюсь, но, чур, не ругаться. Он их обманул. А как, не скажу. Секрет. Взяли, правда, немного, всего двести двадцать кубиков. Петька возмущался: «Безобразие! Молодежь зажимают!» Требовал: «Возьмите полную норму!» Но его и слушать не стали...

Мой сын, не по годам рослый парень, со стрелками наметившихся усиков, говорил баском и с нескрываемым торжеством смотрел на меня. Я чувствовал себя бильярдным шаром, который опытный игрок мастерски загнал в лузу. А я-то все считаю его ребенком.

— И за это ему дали деньги? — воскликнул я.

— Всё как положено. Получил их и пошел пить пиво. За здоровье выздоравливающих. А я с ним — за компанию.

— Что творится на белом свете! — вздохнул я.— Не проще ли было ушить куртку?

— Ну, что ты, папа! Это совсем не больно. Укололи в руку — и все. Зато какое благородное дело. Растешь в собственных глазах: ты кому-то помог, кого-то, может быть, даже спас.

— Как? И ты сдавал кровь?

— А как же! Сам понимаешь, не мог же я просто так стоять. Все сдавали, и, само собой, я.

— Вот герои. И это в шестнадцать лет. И сколько же тебе заплатили?

— Я бесплатно. Мне на пиво не надо.— Валерий насмешливо улыбался.

Меня вдруг осенило: да ведь он иронизирует, открыто смеется надо мной. Я ужаснулся: какой же я стал непробиваемый.

Мы с сыном смотрели прямо в глаза друг другу.

— А на что тебе надо? — дрогнувшим голосом спросил я.

— Ты не подумай, папа, я не для того рассказал.

— Да, да, я понимаю, понимаю. Я тоже не потому спросил. Просто я вспомнил: ты недавно просил деньги на гитару. Тогда у меня не было. А сейчас есть. Вот держи.

— Спасибо,— обрадованно сказал Валерий.— Большое спасибо. Пока. Бегу на занятия.

Он двинулся было к двери, но я поспешно окликнул его:

— Минутку!

Валерий, держась за ручку приоткрытой двери, выжидающе смотрел на меня.

— Я, помнится, обещал вам с Петькой достать абонементы в плавательный бассейн,— виновато сказал я.— Извини, все, понимаешь, некогда было заняться...

— Я понимаю, папа...

— Да нет, я не к тому. Завтра у вас будет два новеньких абонемента. Даю слово, сынок.

— Спасибо, папа. Не сомневаюсь, твое слово не заржавеет. А то мне, откровенно говоря, было немного неудобно. Петька, конечно, не спрашивал, но я знаю, он ждал. Я тоже ждал. Чао, папа...

ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Рисунки Ю. УЗБЯКОВА.

А. МОРАЛЕВИЧ

Шило на мыло

Итак: каков коэффициент удачи у обиженных судьбой?

Низок, низок коэффициент, и еще он будет играть на понижение. Много есть к тому предпосылок, и динамика примеров для подтверждения возрастает зримо и сильно.

Итак, речь пойдет о мешках и котах. О большом взлете многообразной мешочной индустрии, ибо с котами в наше сложное время происходят странные вещи. То есть почти иссякли коты, годные для очного и без упаковки вручения. У этого — плешь в подшерстке и разноглазие, у того — криволапие и нечистоплотность, а сбывать с рук надо всех.

Итак, нынче спрос на конкретность. Вот: Вырастает некое диво природы, как, скажем, на Каспии санаторий «Хазар». И вот смотрит саратовский житель В. Н. Ильин на цветной проспект санатория, на пометку «Для больных с заболеваниями органов кровообращения и нервной системы» и думает: это как раз для меня. Все ясно по цветной фотографии здравницы: пляж под боком, лежаки, киоски на берегу с мороженым и периодикой, вечнозеленость аллей, бронзовые фигуры бывших нервных.

Тут идет В. Н. Ильин куда следует, берет за сто пятьдесят рублей путевку.

Ау, соотечественник наш Ильин, где вы, бронзовый, оптимистичный, с чем-нибудь цитрусовым в руке?

Чу, вот он стоит, наш Ильин, темен лицом, на манер капитана Билли Бонса в дверях меблированных комнат «Адмирал Бенбоу», когда Черный Пес вручил Бонсу черную метку.

А что он держит в руках, этот Ильин, с чем он сличает местность? А сличает он местность с цветной фотографией, которой «Хазар» себя представляет. На фото до моря — пара шагов зелени и асфальта. В жизни до моря — гора за горой песчаные дюны. Такой рельеф местности любят контрабандисты, но никак не инвалиды войны, которые, прибыв сюда с нервностью и преодолев раза три дюны, немедля кровообратительно нарушаются, а преодолев то же с болезнями сердца, становятся нервней солистов балета.

Жалко Ильина. Но не столько мы закричим: «Долой несоответствие «Хазара» фотографии и даешь лечение!» — сколько закричим обобщенно: «Долой фотографический охмуреж, чего бы он ни касался!» А именно на этом участке лавинно прирастают успехи по всучиванию нам разнообразных котов в мешке: механических, пищевых, фаянсовых, тканых, печатных... В багровом свете фотолабораторий, бултыхая пальцем по реактиву, обеспечивают налет на ваш кошелек большие мастера рекламного фото, колдуны ракурса, недодержек, размывок и глубин резкостей. Каких котов в этих глянцевых мешках отхватите вы! Шило выдадут вам за мыло!

Поэтому: кто бы вам ни предлагал какой проспект с пометкой «См. фото», дьявольски критично см. это фото.

Даже автомобиль — кот в мешке. Ведь именно котом в мешке покупаете вы машину. Пробный пробег вам скомкают, совершить по уму не дадут. Не дадут проверить машину на стендах, на яме. И при этом натравят на вас остальную клиентскую очередь: «Что, граждане, истомились вы ждать? А это вон из-за него, плоскомордого. В нутро, видишь ли, ему надо влезть».

И быстренько выпрут вас за ворота с покупкой, и в первый же ливень непроверенный автомобиль потечет у вас сверху и снизу, и вы отгоните его в «Автоцентр» на Варшавском шоссе. Там ремесленник с суровым лицом загадит швы липкой дрянью (герметик) — и получите заказ.

— Но хотелось бы испытать водотечность на мойке, бомбардируя струями...

— Может, в вакууме еще испытать? Либо рентгеном? Товарищи очередь, гля, это он вас тормозит! Будто не «Жигули» ремонтировал, а «Олдсмобил».

И снова стоите вы за воротами с котом в мешке.

Уж на что, кажется, плевое дело — покупка слесарных тисков,— и тут вам умельцы всучат кота. Тиски, висячий замок, рояльные петли, мясорубка — всякая такая вот всячина густо обмазана пушечным салом и обернута в станиоль. Вас начисто и дальновидно лишают возможности проверить предмет у прилавка. А дома, сведя на обтирку консервационного сала тюк ветоши, вы обнаружите косые губки в тисках, непроворот рычага мясорубки, и с садового насоса отлетает тотчас же вентиль.

Неприятный создается настрой. Безверие и скепсис выпирают из потребителя. И уж твердо он знает, что в пакете купленной фасованной ветчины скорее всего только сверху, до половины лежит собственно ветчина, а ниже — замаскированный — загадочный моток сухожилий, кроссворд для бульдога.

И ныне привык, твердо знает клиент, что сто тысяч котов в пакетах и банках преподнесет ему индустрия фасованных товаров. Вообще строго приказано этой индустрии штамповать на пакетах, банках и крышках, когда произведен продукт, будь то молоко, майонез, краска, тушенка, клей, мусс. Но все время тут страшная закавыка, отчего эти буковки, цифрочки по стране самые трудночитаемые: то чернильная смазанность, то недовдавление в жесть — словом, санскрит. И еще хорошо, если вы рыболов. Тогда купленный вами сырок в золотой бумажке (дата — смутно, внешний вид — вспученный) годен для разведения в нем личинок опарыша.

И на рыболова есть кот в мешке. Заказывает семейство Трифоновых из села Зилаир в «Посылторге» крючки и лески, а получает в мешке сногсшибательного кота: две коробки духов «Подмосковные вечера» и гигиенический товар «Мойдодыр».

Конечно, такие казусы сплошь и рядом меняют судьбу людей. Пошел бы, получив крючки, младший Трифонов на рыбалку, поймал густеру и остался бы мастером по выделению канифоли из еловых пеньков. А вот получил он вместо крючков «Мойдодыр», и вы даже представить не можете, во что это вдруг да выльется. Скажем, отмоет Трифонов от густеры руки, пойдет в публичную библиотеку, осилит монографию «Письмена и скрижали» да сдаст на историографа. Это — ого!

И хочется выхлестнуть напоследок слова укора и гнева. Обрушиться на профанаторов движения «Кот в мешке», убивающих главное — элемент неожиданности при распаковке тары. Да, именно вам позор, «Самтрест» и Тбилисский производственный комбинат «Самтреста». Что же это за «Лимонная настойка» вашего выпуска, какой же тут кот в мешке, когда алкогольная общественность после запретного вечернего часа только и рыщет по магазинам за вашей «Лимонной», зная, что так маскируют водку?

Мы, товарищ «Самтрест», за чистоту движения и идеи. Заметьте: наши коты никогда не ходят уголовной тропой.

Бывает, сбудут такого Ваську — тысяч на восемь тонн, а под уголовщину не подведешь. Такова непреложная этика изготовления, мешкования и сбыта ущербных котов, товарищ «Самтрест». Тем более что вопрос: может ли человек, родившийся на Кавказе, наблюдать без вреда для здоровья северное сияние — до сих пор не выяснен научно-исследовательски.

Мое прочтение

Вячеслав ОРЛОВ

Дали одолели

И даль аукает: Иди!..
...Далью пустой и туманной
Снова ты манишь меня.
...Только виделись дальние дали...
Анатолий ЖИГУЛИН.

Дали печальные,
Грустные дали!
Пользы ли больше
От вас мне? Вреда ли!
Что вы мне дали,
Туманные дали!
Грусть вы мою
Издали увидали!
Где она, даль моя,
Спереди! Сзади ли!
Ох, и задачу вы,
Дали, мне задали!
Жму я, на все
Нажимая педали,
К далям спешу...
Но туда ли! Туда ли!

Виктор ЗАВАДСКИЙ

Без зазнайства

...Мир становился все синее
и все похожей на меня.
Лев СМИРНОВ.

Мир до меня был много плоше.
Ни той, ни этой стороной
не мог он, бедный, стать хорошим,
пока не встретился со мной.

Мир, видя, как он несуразен,
стал подражать чертам моим:
всем лучшим в нем он мне обязан,
а всем нелучшим в нем—другим!

Бытописание

Александр НИКОЛАЕВ

Пересол

Я стал свидетелем невольным,
как рано утром
в январе
наш старший дворник номер
сольный
с ведром исполнил во дворе.

Напомнив день позавчерашний
и воскресив былую боль,
как сеятель зерно на пашне,
он на асфальте сеял соль.

Помогут щетка или веник
нам соль смахнуть при входе в
дом,
но соль, однако, стоит денег,
да дело даже и не в том.

Из-за нее в автоколоннах
горят покрышки.
Так горят,
что много разных слов соленых
о ней шоферы говорят.

Снег с солью
возят самосвалы
в Москву-реку.
Наверняка
соленой, словно море, стала
уже давно Москва-река.

Однако все унять не может
начальник жэка странный пыл,
он и машинам и прохожим
за счет бюджета насолил.

А вместо соли, между прочим,
песок бы лучше он нашел,
тогда б и я не пропесочил
его за этот пересол.

Сердитая муза

Алексей БОДРЕНКОВ

Свои

На эстраде мальчики
с гитарами
Что-то нероссийское поют,
Бьют по струнам нервными
ударами —
Дань заморской моде отдают.

Волосенки длинные, поповские.
А ребята в общем-то свои —
Курские,
смоленские,
московские.
Только вот... не вышли в соловьи.

Нарочно НЕ придумаешь

«Заявление

Прошу разобраться в хулиганском поступке моего соседа Б. М. и строго наказать его. У меня пропали гуси — 20 штук. Он написал письмо в радиоузел и попросил, чтобы исполнили якобы любимую мою песню «Ой вы гуси, до свиданья...». После этого надо мной все стали смеяться».

Прислал Н. Пеньков, г. Свободный.

«По 5 капель перед сном в оба носа».

(Из рецепта).

Прислала Н. Есова, г. Алма-Ата.

«Однако, как показывает проверка материалов по подобным письмам, факты нарушений очередности на получение жилой площади имеются, но в основном в соответствии с правилами».

Газета «Жигулевский рабочий».

«С целью качественной подготовки к зиме администрация домоуправления просит Вас с обязательной явкой прибыть в клуб на встречу. Цель встречи: содержание жилой зоны в образцовом антисанитарном состоянии».

(Из уведомления).

Прислал И. Костин, Минская область.

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ
(Польша)

САМОРОДОК

Художник Кубел, по общему признанию, был безнадежной посредственностью.

Таланта у него не было. Чего нет, того нет.

Отвергнутый искусством, он перебросился на бухгалтерию. Но и здесь не прижился.

Не оправдал он надежд и как библиотекарь. Путал фамилии авторов и читателей.

Довольно долго Кубел искал свое место в жизни. Нашел его, когда некий пан Ручка предложил ему выступать в цирке.

— Будете ездить на роликах,— сказал он.

— На чем? — уточнил Кубел.

— На роликах,— повторил Ручка.— Вы никогда не видели роликов?..

— Видел, но никогда не предполагал, что на них можно ездить.

— Можно, можно. Завтра и начнем.

Первое выступление Кубела было сенсационным. Ездить на роликах ему пришлось по столу. Что ни шаг, он летел со стола и зарывался носом в опилки. Поднимался, вскарабкивался и тут же грохался снова.

Публика выла от восторга.

Под конец выступления он настолько выдохся, что униформистам пришлось выволочь его с арены за ноги.

Популярность Кубела росла от представления к представлению. Вскоре он стал гвоздем программы. Достать билет в цирк без знакомства стало невозможно. В городе только и говорили, что о феноменальном комике на роликах.

— Поразительный комический талант! Физиономия зверски сосредоточенная, а ноги, как из студня. Потрясающе! Великий самородок!

Рецензенты предсказывали ему всемирную славу.

Но предсказания не сбылись. Со временем Кубел научился ездить на роликах. Увы, делал он это опять-таки довольно посредственно...

Теперь он работает в универмаге. В отделе спорттоваров.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

«Дикобраз», Чехословакия.

«Штерн», ФРГ.

улыбки разных широт

Агент по продаже недвижимого имущества показывает дом супружеской паре.

— Мы поступим следующим образом: вы называете цену, которую рассчитываете уплатить за дом, мы вместе с вами от всего сердца смеемся, а уж потом приступаем к серьезному разговору.

●

Известная кинозвезда с возмущением говорит:

— Эти несносные журналисты все время преувеличивают. Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

●

Адвокат выступает в суде:

— Господин судья, если человек имеет восемнадцать судимостей, он уже не преступник.

— Кто же он!

— Коллекционер.

«Иси Пари», Франция.

На шикарной вилле голливудской кинозвезды начался пожар.

— Быстро вызовите корреспондентов телевидения, радио и репортеров из всех газет, — приказывает хозяйка горничной.— Да, еще не забудьте, пожалуйста, вызвать пожарных.

●

Музыкальный критик берет интервью у знаменитого виртуоза.

— До восемнадцати лет вы играли только на скрипке, а затем совершенно неожиданно сменили этот инструмент на пианино. Почему!

— Мой дорогой,— ответил маэстро,— вам когда-нибудь удавалось поставить на скрипку бокал пива!

●

Разговор двух арестованных уголовников:

— Ты веришь в юридические ошибки!

— Конечно. Меня трижды оправдывали.

— Отличино! А теперь давай бритвочку!
«Эпока», Милан.

— Мы немножко опоздаем, муж, как всегда, ужасно долго собирается.
«Дейли миррор», Англия.

Пассажир вскакивает в автобус и бросает взгляд на висящие на площади часы: 8 часов 15 минут. Автобус трогается в путь. На следующей остановке пассажир видит другие часы, которые показывают 8 часов 5 минут.

— Так я и знал! — восклицает он.— В спешке вскочил в автобус, который идет в обратную сторону!

●

— Весьма сожалею, — говорит мсье Лоран хозяину дома,— но в этом месяце я не смогу заплатить вам за квартиру.

— Что же это такое!! — кричит хозяин.— Вы говорили мне то же самое в прошлом месяце, и в позапрошлом, и три месяца назад...

— А разве я не сдержал своего слова!

Ст. СТРАТИЕВ (Болгария)

Однажды утром

Петров допил свой утренний кофе, поцеловал жену в лоб и направился к двери. Он шел на работу.

У двери, однако, Петров остановился и стал шарить по карманам.

— Что ты там ищешь? — спросила его жена.

— Да понимаешь, не найду мнения,— сказал Петров, продолжая выворачивать карманы.— Куда я его мог задевать?

— Понятия не имею,— ответила жена.— Бог знает, сколько времени я его не видала. Ты ищи, хорошенько ищи...

Петров еще раз тщательно обыскал себя, но ничего так и не нашел. Как корова языком слизнула.

— Подожди-ка,— сморщила жена лоб.— В последний раз ты, кажется, брал его... в январе прошлого года, когда утверждали план. Куда потом дел?

— Нет, нет,— сказал Петров.— Не брал я его тогда. Что я, ненормальный, на обсуждение плана со своим мнением идти?!

— Та-ак,— протянула жена.— Должно быть, оно было у тебя в последний раз, когда вас в министерство вызывали. Помнится мне, ты тоже его искал...

— Ничего подобного, — покачал головой Петров.— В министерство со своим мнением не ходят. Достаточно одного согласия. Не трогал я его тогда.

— Ну, так где же оно? — пожала плечами жена.— Не могло же испариться, было ведь! Послушай, вспомнила! Ты его брал, когда увольняли этого... Симеонова. Ну, на которого ваш директор зуб имел. Неужто забыл?

— Как же, помню,— ответил Петров,— прекрасно помню! Только и тогда не брал я его. Тогда требовалось поддержать решение, а не высказывать мнение.

— А на что оно тебе сейчас вдруг понадобилось? — спросила жена, роясь в шкафу.—На работу ведь идешь, не на симпозиум! Скажешь — забыл дома.

— Да оно-то так,— сказал Петров.— А если потерял, а?!

— Подумаешь! — ответила жена.— Велика беда. Может, оно и к лучшему... Вот оно! — воскликнула она вдруг.— В старом пальто, которое ты уже два года не носишь.

— Точно,— вспомнил Петров.— Позапрошлой зимой я куда-то ходил с ним, с мнением-то...

— А я ведь это пальто в химчистку отдавала,— сказала жена.— Ну-ка, не испортилось ли мнение?

Она осмотрела его со всех сторон, сдула пыль и налипшие ворсинки и протянула мужу.

— Ничегошеньки твоему мнению не сделалось. Как новенькое!

— Еще бы! — сказал Петров.— Как не быть ему новеньким, когда оно почти что не было в употреблении!

— Повезло тебе,— сказала мужу жена.— Я только что собиралась убрать это пальто на чердак. Не носишь ведь...

— Так у меня ж новое, дубленка.

— В другой раз в определенном месте храни. В коробке какой-нибудь или среди документов. А надежнее всего — на сберкнижке.

— Так я и сделаю,— сказал Петров.— А то когда еще понадобится! И будем опять полдня искать...

Он бережно положил мнение в бумажник, поцеловал жену в лоб и ушел...

Перевел А. КРУЗЕНШТЕРН.

ЧИТАТЕЛЮ НА заметку

Итак, вы познакомились с первым номером журнала за 1977 год. Впереди еще тридцать пять номеров. Что будет в них помимо того, о чем вам уже известно из передовой (стр. 2)?

Крокодил не намерен упускать из виду проблемы охраны окружающей среды вообще и конкретных недругов природы в особенности. До 1 мая продлится международный конкурс «Цветок и шестеренка». Как и в предшествующие годы, выступлениям в защиту природы отводится раздел «Красная Книга Крокодила».

Журнал в журнале «Сатиробус» — о молодежи, для молодежи и делающийся в основном молодыми авторами — будет по-прежнему совершать регулярные рейсы по страницам журнала.

Переписка Крокодила с читателями осуществляется, как и раньше, через «Мой недолгий ящик».

Любой читатель-фотолюбитель может принять участие в конкурсе на самый смешной снимок — «Веселый объектив».

По вашим заявкам и предложениям мы будем продолжать знакомить вас с творчеством крокодильских художников, устраивая своего рода вернисажи под дерзкой рубрикой «А ну, что ты тут натворил?». Новых авторов журнала — и литераторов и художников — нетерпеливо ждет рубрика «Впервые в «Крокодиле».

Завзятым болельщикам — и, мы надеемся, не только им — адресуется КРОкодильская Спортивная Страница («КРОСС»).

Собратья Крокодила — сатирические журналы союзных и автономных республик страны — готовы продемонстрировать вам образцы творчества своих авторов. В № 28 (1976 г.) мы уже представили читателям литовскую «Шлуоту». Впереди встречи с другими коллегами Крокодила под девизом «Свой среди своих».

Как и до сих пор, стихотворения разных жанров будут периодически собираться вместе, чтобы предстать перед читателем обильным «Стихопадом». О последних книжных новинках, премьерах, выставках карикатур и других приятных событиях в цехе юмористов и сатириков вы узнаете из рубрики, которая так и называется: «В нашем цехе». По-прежнему довольно регулярно будет выходить крокодильская международная газета «Вокруг света и тьмы».

Надо сказать, что во всех этих — и других — разделах и рубриках журнала так или иначе, прямо или косвенно, постоянно или время от времени принимает участие один непременный Соавтор Крокодила. Он радуется удачам и огорчается промахам, поправляет и дополняет, советует и критикует. И нет ни грана льстивого лицемерия в простой констатации факта: без этого Соавтора немыслим Крокодил.

Соавтор — это вы, дорогой читатель.

Вот почему и в нынешнем году мы ждем от вас писем с предложениями, замечаниями, пожеланиями, короче — ждем вашего непосредственного, заинтересованного участия в редакционных делах.

Будем считать, что договорились?

КРОКОДИЛ
№ 1 (2191)
ЯНВАРЬ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, Ю. Андреев, М. Битный, М. Вайсборд, Е. Милутка, В. Мохов, К. Невлер, С. Репьев, Ю. Степанов, М. Ушац, И. Шиков.

■

НАШ АДРЕС:
101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

■

Рукописи не возвращаются

■

Сдано в набор 6/XII 1976 г. А 08213. Подписано к печати 16/XII 1976 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 700 150). Изд. № 40. Заказ № 3239.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП. ул. «Правды», 24.